

Информационно–аналитический журнал

с о в р е м е н н ы й
Иран

№34

июль 2014

Информационно-аналитический журнал
Иран

№ 34
июль 2014 г.

Свидетельство о регистрации ПИ 1 ФС77-41649
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор) 12 августа 2010 г.

Редакционная коллегия

Раджаб Сафаров (Главный редактор)
Александр Проханов
Сергей Бабурин
Дмитрий Рюриков
Виталий Третьяков
Гейдар Джемаль
Максим Шевченко
Игорь Панкратенко (Шеф-редактор)

Адрес редакции

119049, Москва, Коровий вал, д. 7, стр. 1, оф. 6

В издании использованы фотоматериалы
ИТАР-ТАСС, РИА Новости, РИА Иран.ру

Содержание

Краткое содержание номера.....2	О вступлении Ирана в ШОС и в БРИКС <i>Владимир Алексеев</i>31
Примирение с «Большим Сатаной».....5	О переносе выходного дня с четверга на субботу в Иране <i>Максим Иванов</i>36
Независимый Курдистан: проблемный проект для Тегерана <i>Игорь Николаев</i>8	России пора выйти из режима антииранских санкций <i>Владимир Ефимов</i>40
Куда пойдет иранский газ: тест на геополитические амбиции Тегерана <i>Александр Собко</i>13	Израильская агрессия и иранская бомба «Аль-Кудс» <i>Игорь Панкратенко</i>45
16 причин иранского недоверия к России.....16	Иран снова прошел американский «дедлайн» <i>Николай Бобкин</i>49
Могут ли Россия и Иран стать стратегическими партнерами? <i>Владимир Ефимов</i>23	Небесная тысяча <i>Исраэль Шамир</i>54
Венская пауза и треугольник Москва — Тегеран — Вашингтон...27	

Краткое содержание номера

Июль стал роковым для шаткого мира на Ближнем Востоке: Израиль, используя то обстоятельство, что мир занят событиями на Украине, начал «зачистку» сектора Газа, устроив настоящую бойню для палестинцев. Кроме того, конфликт, искусственно раздутый Западом в Сирии, рикошетом ударил по Ираку, где Америка, как ей казалось, надолго навела порядок. Группировка «Исламское государство Ирака и Леванта», получив дополнительное финансирование от саудитов и катарцев, резко увеличила свою численность и вторглась в Ирак. Столь сложная обстановка оказалась в эпицентре внимания очередного, 34-го номера журнала «Современный Иран».

«Израильские вооруженные силы должны получить Нобелевскую премию мира за их «невообразимую сдержанность» при проведении операции в секторе Газа», — заявил на днях посол Израиля в США Рон Дермер. Вашингтон традиционно покрывает «неистового» Биби Нетаньяху, практически все страны Европейского Союза поддакивают ему, арабийские монархии, напрочь забыв об идеях справедливости и исламского единства, которые все это время на крови палестинцев плетут собственные интриги, на этот раз открыто встали на защиту Израиля. Но как бы там ни было идеология «Аль-Кудс», провозглашенная аятоллой Хомейни тридцать пять лет назад, все уже неумолимо разрушает «Нерушимый утес» израильской исключительности. Об этом, как и причинах нынешней карательной операции Израиля против палестинцев — в статье *«Израильская агрессия и иранская бомба «Аль-Кудс»*.

Бойни в Газе стали регулярным повторяющимся событием. Относительно большой была бойня в декабре 2009 — январе 2010, была и в 2012, и это не считая небольших вспышек — бомбежек и артобстрелов. Политику Израиля в секторе Газа можно сравнить с криптиями древних спартанцев — те время от времени устраивали облаву и резню илотов, тамошних палестинцев, чтобы те не подымали нос, слушались и радовались, что остались живы. Главная цель израильских криптий — физическое уничтожение активных лидеров Палестины, чтобы легче было властвовать над остальными. Детали этой бойни и отношение к ней мирового сообщества раскрываются в материале *«Небесная тысяча»*.

Дополнительным вызовом для Тегерана явилось и де-факто возникновение независимого Курдистана, до правового оформления которого остались считанные месяцы. В государстве курдов, которое вот-вот возникнет на осколках Ирака, заинтересованы многие внешние силы — США, Турция, Израиль, крупнейшие транснациональные корпорации, занятые добычей нефти. А вот для Тегерана независимый Курдистан — это головная боль, источник проблем, серьезность которых станет очевидной уже в самое ближайшее время. Анализ вызовов, возникающих в связи с независимостью Эрбиля — в материале *«Независимый Курдистан: проблемный проект для Тегерана»*.

Нельзя не заметить, что «иранская» тема последнее время все чаще стала появляться на страницах СМИ. Логика здесь понятная. С одной стороны, Евросоюз понял, что иранский газ — это фактически единственная воз-

возможность снизить объем российских поставок. Естественно, этот вариант отчасти устраивает и Соединенные Штаты (по крайней мере, те группы, которые готовы к разморозке отношений с Ираном). Тем более и там понимают: неопределенно долго сохранять режим санкций не получится. И если иранский газ все равно выйдет на рынок — то пусть хотя бы послужит снижению зависимости Евросоюза от России. Состоится ли этот сценарий? Ответ на данный вопрос рассматривается в статье *«Куда пойдет иранский газ: тест на геополитические амбиции Тегерана»*.

Сложности положения Исламской республики, тем не менее, ведут к достаточно парадоксальной ситуации. Тегерану, пусть еще и не полностью, но удалось прорвать международную изоляцию, в которую его загонял режим калечащих санкций, установленный Западом. Тем не менее, динамика развития российско-иранских отношений пока, что называется, «не дотягивает» до уровня стратегического партнерства. Что же настораживает иранскую сторону? Что мешает Тегерану видеть в Москве надежного политического и экономического партнера? *«16 причин иранского недоверия к России»* — так называется материал, в котором предпринята попытка анализа разделяющих нас обстоятельств.

Скоро должны завершиться переговоры между «Шестеркой» и Ираном по иранской ядерной программе, в результате которых последует полное снятие финансовых и торгово-экономических санкций с ИРИ, введенных в свое время по инициативе Запада. Очевидно, что с учетом огромного экономического потенциала Ирана, крупнейшие международные корпорации с нетерпением ждут этого момента, чтобы получить супервыгодные и масштабные контракты на восстановление, модернизацию и развитие экономики ИРИ. При этом обращает на себя внимание, что российские компании что-то не слишком спешат к развитию торгово-экономических отношений стратегического партнерства, как, впрочем, не проявляет особой активности и иранская сторона. Так *«Могут ли Россия и Иран стать стратегическими партнерами?»* — задается вопрос в одноименной статье.

Два материала нынешнего номера посвящены итогам венских переговоров шестерки международных посредников с Ираном по ядерной программе. Сегодня на переговорах «шестерки» с Ираном объявлен перерыв. Обязательства сторон до 20 июля договориться о снятии экономических санкций с Ирана в обмен на гарантии мирного характера его ядерной программы не выполнены. Следующая встреча переговорщиков ожидается в августе, окончательное соглашение должно быть выработано не позднее 24 ноября 2014 года. «На этот день и переносится «красная черта», за которой мы станем свидетелями или редкого в наши дни триумфа здравого смысла политиков ведущих стран мира, или снова убедимся в непоколебимости однополярного мира, где всем правит Америка» — говорится в статье *«Иран снова прошел американский «дедлайн»*.

Собственно, наивным было бы надеяться, что договоренности о выработке удовлетворяющей всех формулы гарантий мирного характера иранской ядерной программы к 20 июля нынешнего года, достигнутые шесть месяцев назад в Женеве между «шестеркой» и Ираном, будут исполнены точно в срок и приняты «день в день». Но, в отличие от прошлых лет, эта, нынешняя пауза в переговорах, похоже — финальная. Подробности — в материале *«Венская пауза и треугольник Москва — Тегеран — Вашингтон»*.

Москва готовится к жесткой конфронтации с Западом, как минимум, и к отражению силой вооруженных провокаций НАТО и ее украинских марионеток, как максимум. По словам Владимира Путина, кризис отношений России и Запада вышел на принципиально новый уровень, где трагедия с малазийским самолетом становится лишь одним из его эпизодов. В этих условиях России необходим решительный поворот в сторону Ирана, считает автор статьи *«России пора выйти из режима антииранских санкций»*.

В нынешнем многополярном мире даже очень крупной мировой державе трудно проводить эффективную внешнюю политику и обеспечивать свои национальные интересы, будь то политические, военные или экономические, без опоры на дружественные страны или просто партнеров. Причем, речь идет не только о двустороннем взаимодействии, но и об участии в глобальных и региональных организациях. И уж тем более это актуально для региональных держав, одной из которых является Иран. Одним из возможных вариантов решения внешнеполитических проблем Тегерана могло бы стать *«Вступление Ирана в ШОС и БРИКС»*. Все «за» и «против» такого шага анализируются в одноименном материале.

И, в завершение, несколько необычная тема поднимается в статье *«О переносе выходного дня с четверга на субботу в Иране»*. Как известно, практически во всем мире выходными днями являются суббота и воскресенье, а в Исламской Республике Иран, как и в некоторых странах мусульманского Востока, таковыми являются четверг и пятница. Вроде бы — мелочь, вроде бы — национальная и конфессиональная специфика, но цена этой «мелочи» составляет, ни много, ни мало, а сотни миллиардов долларов ежегодно из-за несовпадения графика работы бирж, финансово-банковской системы, таможни, государственных структур, бизнеса и деловых кругов Ирана с мировым сообществом. Перенос выходных дней — это далеко не мелочь, ведь именно с изменений в календаре, приведения его в соответствие с потребностями времени, начинались великие перемены при Юлии Цезаре в Древнем Риме, при Петре Первом в России и при Малик-шахе в самом Иране.

Словом, круг тем, поднимаемых в очередном, 34-м номере «Современного Ирана» традиционно широк. И редакция журнала продолжает работать над тем, чтобы интересный и познавательный диалог издания с читательской аудиторией по самым острым и актуальным проблемам был продолжен. Так что — до новых встреч, а точнее — до следующего номера!

Примирение с «Большим Сатаной»

Июнь стал роковым для шаткого мира на Ближнем Востоке: конфликт, искусственно раздутый Западом в Сирии, рикошетом ударил по стране, где Америка, как ей казалось, надолго навела порядок. Террористы, заботливо обученные и вооруженные западными инструкторами в Ливии и Сирии, к нынешнему лету поняли, что способны на большее, чем вести вялотекущую войну с войсками Башара Асада. Группировка «Исламское государство Ирака и Леванта», получив дополнительное финансирование от саудитов и катарцев, резко увеличила свою численность и вторглась в Ирак. Боевикам понадобилось всего несколько сражений, чтобы обратить в бегство в разы превосходящую их по численности правительственную армию. Как следствие — появление на ближневосточном поле нового сильного игрока резко изменило геополитические расклады не только в регионе, но и в глобальном масштабе.

Кризис в Ираке, возникший «неожиданно» для Запада и грозящий превратить некогда процветающую страну в подобие Афганистана, выявил весьма любопытную тенденцию. Два главных антагониста современной мировой геополитики — Соединенные Штаты и Иран, вынужденные реагировать на новую угрозу, сегодня готовы пойти на сближение и более того — уже делают первые шаги к этому. Так, в середине июня состоялся телефонный разговор между президентом США Бараком Обамой и его иранским коллегой Хасаном Роухани. Это было первое общение первых лиц двух государств за 35 лет, и еще недавно подобное было просто невозможно представить.

С другой стороны, в иранской столице, Тегеране, власти очищают улицы и стены домов от антиамериканской символики, баннеров и листовок, провисевших там с 1990-х годов. В глазах местных жителей это выглядит странно: неужели власть аятоллы Хаменеи вдруг неожиданно прониклась симпатией к «большому Сатане», как привыкли называть Америку иранские власти?

— Воинствующая риторика, лозунги «Смерть Америке!», акции сжигания звездно-полосатого флага и антиамериканские надписи во всю стену в Тегеране не отвечают духу времени и возможного сотрудничества. В свое время они были нужны, но сейчас это может затормозить восстановление отношений двух стран, — считает директор Центра изучения современного Ирана Раджаб Сафаров.

Еще один признак грядущего потепления — исчезновение из официальной американской риторики антииранских ноток. В теленовостях давно уже не встретишь заявлений Вашингтона о «необходимости нанести массирован-

ный удар по Ирану, готовящему собственную атомную бомбу». В Белом доме понимают: в сложившейся ситуации, когда все завоевания Америки в Ираке грозят обратиться в прах, Тегеран лучше иметь в союзниках, нежели в качестве врага.

В Иране за последний год также произошли свои, серьезнейшие политические изменения. Во-первых, после последних президентских выборов радикала Махмуда Ахмадинежада сменил на посту главы государства куда более умеренный Хасан Роухани. Из его уст нечасто услышишь антизападную риторику, что вполне логично: в свое время Ахмадинежад просто «перекормил» иранцев воинствующей риторикой. Его активность привела к резкому ухудшению отношений с Западом и введению против Ирана экономических санкций (вплоть до запрета на покупку у него нефти). И как следствие — к серьезным экономическим трудностям в самом Иране: галопирующей инфляции, нехватке бензина, электроэнергии и других стратегических товаров.

Собственно говоря, и сами иранцы несколько раз пытались свергнуть Ахмадинежада, поднимая локальные восстания и продемонстрировав высшей власти в стране — аятолле Хаменеи — свое недовольство курсом на «закрывание страны от мира». Аятолла внял — и на президентский пост пришел «демократический» Роухани, а Тегеран резко активизировал переговорный процесс по своей ядерной программе с «шестеркой» международных посредников (куда входят Германия, Россия, США, Великобритания, Франция и Китай).

Переговоры в Вене, прошедшие в середине июня, принесли прорыв: Иран выразил твердую готовность подтвердить, что на его ядерных объектах производится только «мирный атом». И уже до 20 июля должно быть заключено соглашение, гарантирующее отсутствие военной компоненты в разработке и использовании ядерной энергии Ираном.

Но главная причина смены курса Тегераном и Вашингтоном — это все же активное наступление боевиков движения «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ) в Ирак. Террористы, не знающие пощады, уже установили свою власть почти на трети иракской территории — в сферу их контроля попали не только нефтяные месторождения и нефтеперерабатывающие заводы, но и древние шиитские святыни: мечети и молельные места в Кербеле и Наджафе.

И если американцев больше интересует нефть, то в Тегеране искренне боются, что боевики-сунниты просто уничтожат их святыни, многим из которых — тысячелетия. Кстати, на днях террористы из ИГИЛ объявили о создании «исламского халифата» на территории Сирии и Ирака во главе со своим лидером Абу Бакром аль-Багдади. А заодно поменяли название своей группировки — на просто «Исламское государство» (в том числе — в связи с тем, что в состав ИГИЛ вошли еще несколько крупных исламистских группировок).

Абу Бакр аль-Багдади уже пообещал со временем перенести «освободительное движение» с территории Ирака и Сирии в Иорданию и Ливан. А в

В Иране за последний год также произошли свои, серьезнейшие политические изменения

обозримом будущем — еще дальше на восток, в Иран, где действуют суннитские группировки, родственные ИГИЛ. Поэтому неудивительно, что на днях иранский президент Хасан Роухани официально заявил: Иран готов сотрудничать с США в борьбе против радикальных суннитских групп.

— Все страны должны принять участие в совместной борьбе с терроризмом. Мы можем работать вместе с американцами над тем, чтобы покончить с беспорядком на Ближнем Востоке, — сообщил Роухани.

Америка подобных заявлений на столь высоком уровне не делала, отдав эту миссию на откуп экспертам.

— Конечно, США пока еще официально сопротивляются идее «поворота к Персии». А Иран, в свою очередь, не может отказаться от стереотипа, что роль антагониста Америки укрепляет его позиции в регионе. Но после того, как боевики «Исламского государства» захватили серьезную часть Ирака, новая реальность стала очевидна: Иран и США нуждаются друг в друге больше, чем когда-либо, — говорит аналитик Вашингтонского института ближневосточных исследований Дэннис Росс.

При этом «шаги навстречу» запланированы и в экономике: официальный Тегеран уже анонсировал снятие всех экономических санкций со стороны Запада, который также признал за Ираном право на мирный атом. А экс-госсекретарь США Мадлен Олбрайт заявила, что США вскоре «могут пересмотреть свои взгляды относительно стран — поставщиков нефти».

— Вашингтон ведет с Тегераном переговоры, которые, возможно, закончатся подписанием договора об экспорте иранской нефти в Соединенные Штаты. Иран может экспортировать много нефти, а США могут изменить свой взгляд на ее экспорт, — подчеркнула Олбрайт.

Таким образом, в самом скором времени один из главных негативных лейтмотивов в мировой политике «нулевых» — противостояние Америки и Ирана как предтеча Третьей мировой войны — может сойти на нет. Однако даже объединение двух держав перед лицом быстро нарастающей исламистской угрозы не гарантирует того, что ее будет возможно остановить. О том, смогут ли США и Иран — пусть с разных сторон, но общими силами — разгромить боевиков и повернуть ситуацию вспять, глава Института религии и политики Александр Игнатенко говорит весьма осторожно.

— Шансы у них есть, но весьма небольшие. Полномасштабно Штаты сейчас ни за что не полезут в Ирак. А если полезут, то будут идиотами: даже участвуя в конфликте в таких бесконтактных формах, как авиаудары с самолетов и беспилотников. На ход событий может повлиять Тегеран, решительно настроенный ввести свои подразделения для защиты шиитских святынь. Но Иран — в сложной ситуации. Он разбросал свои вооруженные силы и родственные им группировки по Сирии, Ливану и Аравийскому полуострову. Если откроется новый большой фронт в Ираке, то Тегеран может этого просто финансово не потянуть, — считает эксперт.

Впрочем, даже если поводом для примирения двух держав стала исламистская «черная волна» в Ираке, эксперты уверены: эта проблема все же меньшего масштаба, чем возможная еще недавно война Вашингтона и Тегерана. А худой мир, как известно, всегда лучше доброй ссоры.

Игорь Николаев

Независимый Курдистан: проблемный проект для Тегерана

До появления на политической карте мира нового государства Курдистан — несколько месяцев. В государстве курдов, которое вот-вот возникнет на осколках Ирака, заинтересованы многие внешние силы — США, Турция, Израиль, крупнейшие транснациональные корпорации, занятые добычей нефти. А вот для Тегерана независимый Курдистан — это головная боль, источник проблем, серьезность которых станет очевидной уже в самое ближайшее время.

Президент Иракского Курдистана Масуд Барзани уже обратился в парламент с просьбой о подготовке референдума о независимости автономии. В условиях, когда Ирак стремительно распадается, «курды не должны ждать, пока кто-то определит их судьбу, и сегодня — самое время сделать это», — заявил он. Действительно, момент для провозглашения независимости выбран как нельзя более удачно. Заседание парламента Ирака 1-го июля, на котором ожидалась отставка полностью скомпрометировавшего себя аль-Малики, закончилось полным провалом. Альтернативной кандидатуры правительственная коалиция не представила, а потому депутаты от курдской и суннитской общин страны демонстративно покинули зал заседаний. И, думается, каждый из них уже решил для себя, что теперь он не имеет никаких обязательств перед центральным правительством в Багдаде, а потому — волен устраивать и собственную судьбу, и судьбу страны без учета интересов обанкротившегося правительства.

Впрочем, если кто и питал надежды на сохранение целостности Ирака, то только не руководство курдской автономии. Возникшая в 1991 году, после первой войны в Персидском заливе, фактически на американских штыках, Иракская Курдская автономия всегда рассматривалась ее руководителями исключительно как база подготовки будущего независимого Курдистана. Американская оккупация Ирака в 2003 году только приблизила эту цель, поскольку по итогам этой оккупации курды получили все необходимое для создания собственного государства: парламент, правительство, вооруженные силы, деликатно называвшиеся «ополчением Пешмерга», собственные спецслужбы, СМИ, более десятка спутниковых теле- и радиоканалов. А в 2005-м в столице автономии Эрбиле был построен международный аэропорт, обеспечивающий связь Иракского Курдистана с внешним миром.

«Эксон Мобил», нефтяной гигант, работающий на нефтяных полях Иракского Курдистана, в 2013 году нанял в качестве консультанта бывшего американского посла в Ираке (2010–2012 гг.) Джефффри Джеймса. Именно Джеймсу принадлежит идея о том, что для защиты интересов «Эксон Мобил» выгоднее всего серьезное ослабление центрального правительства Ирака в результате конфликта, который отвлечет внимание команды аль-Малики от Иракского Курдистана и его де-факто независимости. Конфликт разгорелся, и теперь, воспользовавшись кризисом, руководство Иракского Курдистана сделало решительный и, судя по всему, необратимый шаг на пути к независимости.

А попутно решило вопрос о присоединении к себе богатейшего иракского нефтеносного района Киркук, введя туда отряды пешмерга. В итоге, Курдистан в преддверии провозглашения независимости сумел увеличить свою территорию примерно на 40% и окончательно установил контроль как над богатейшими нефтяными полями севера страны, так и над рукавом стратегического нефтепровода Киркук — Джейхан, упрочив фундамент своей нужности Западу и его союзникам.

Слова Обамы и реалии американской политики

«Курды благодарят Буша за то, что он сделал для них. И в благодарность за это считают его одним из самых великих за всю историю США и называют не иначе как «Мистер Азади», т.е. «Господин Свобода»... Одним из свидетельств этого является то, что в декабре 2010 года Иракский Курдистан выделил землю под мемориал погибшим американцам, где будет возведен Мемориал «Оливковая ветвь жизни, в память о жизнях американских солдат, потерянных в Ираке», — писали несколько лет назад курдские СМИ.

Земля для этого проекта, находившаяся в собственности города Сулеймании, была щедро пожертвована правительством иракского Курдистана. Назовите хотя бы одну страну в мире, где бы американские солдаты были бы увековечены, так как в Курдистане? И то, что администрация Обамы отнеслась к идее провозглашения независимого Курдистана без особого восторга, ничего не значит. Нынешний хозяин Белого дома может выступать с любыми заявлениями — на реальной ближневосточной политике США это почти никак не отражается, поскольку есть словоблудие Обамы и выкрутасы «лгунишки» Керри, который в ходе недавнего телефонного разговора с Барзани заявил, что Ирак должен объединиться перед лицом исламистов, и есть вполне конкретные интересы американских компаний, ЦРУ и Пентагона, израильского лобби, которым целостность Ирака не нужна, а вот прозападный и антииранский плацдарм в сердце Ближнего Востока — крайне необходим.

Правительство аль-Малики в полной мере ощутило на себе вашингтонскую «двойственность», и в том числе — в курдском вопросе. Официально Белый дом осуждал все эти годы самостоятельный, без согласования с Багдадом, экспорт нефти из Иракского Курдистана. Но дальше устных заявлений дело никогда не заходило, и Вашингтон никак не препятствовал прямым договоренностям, которые нефтяные компании заключали с администрацией курдской автономии.

На словах США не поддерживали стремление Иракского Курдистана к независимости, но в то же время постоянно предостерегали Багдад от любых «недружественных акций» в отношении курдов. Даже в истории с задержкой предоставления правительству аль-Малики необходимого вооружения (истребителей Ф-16 и вертолетов «Апач») вполне прослеживается «курдский след», поскольку окончательное решение задержать поставки Вашингтон принял именно тогда, когда в конце прошлого года, стремясь ограничить курдскую экспансию в Киркук, официальный Багдад ввел в провинцию дополнительные войска, на что руководство автономии ответило мобилизацией пешмерга. И одновременно с задержкой исполнения оружейного контракта в отношении Багдада американская вертолетостроительная компания MDHI поставила правительству Иракского Курдистана 12 легких вертолетов «для контроля над безопасностью и горными районами региона».

Никаких препятствий с американской стороны не вызвало и строительство «курдской» ветки нефтепровода, идущей от нефтяных полей Киркука до пограничного города Файш-Хабур, где она подключается к старому нефтепроводному маршруту Киркук — Джейхан. Завершение ее строительства в конце 2013 года официально ознаменовало возникновение нового крупного игрока на мировом рынке нефти, и это вполне отвечает интересам Вашингтона, Брюсселя и Анкары, более чем заинтересованных после событий на Украине в диверсификации поставок энергоресурсов.

«Турецкий марш» в Эрбиле и курдская нефть в Израиле

Особенно заинтересована в этом Анкара, для которой поставки курдских нефти и газа позволяют уйти от зависимости в этом вопросе от России и Ирана. Ради вполне очевидных экономических выгод Турция, долгое время

Ирак за последние два года стал вторым по значимости экспортным рынком для Турции

ожесточенно воевавшая с курдами в собственной стране, приложила максимум усилий для развития отношений с Иракским Курдистаном. Турецкие нефтяные компании, имеющие серьезные позиции в окружении Эрдогана, приложили максимум усилий, чтобы официальная Анкара отказалась от традиционной настороженности в отношении любых действий курдов, направленных на получение независимости, и выстроила «особые отношения» с Иракским Курдистаном. Настолько «особые», что Ирак за последние два года стал вторым по

значимости экспортным рынком для Турции, и 70% этого рынка приходится именно на Эрбиль. Такая деловая активность между двумя странами вполне достаточна для того, чтобы Анкара активно поддержала создание Курдистана. Не забыв, естественно, и о собственных интересах.

В период, когда в 2011–2012 годах между Анкарой и Эрбилем готовился контракт на пятьдесят лет, согласно которому курдская автономия получила возможность поставлять нефть и природный газ на мировые рынки через турецкую территорию, а оплата за эту нефть, экспортированную в обход официального Багдада, приходила на несколько специальных счетов

в турецких банках, между Турцией и Иракским Курдистаном было заключено негласное соглашение. Суть его заключалась в том, что руководство Иракского Курдистана окажет необходимое влияние на турецких курдов для обеспечения их лояльности Анкаре, поскольку «решение курдского вопроса» в Турции было одним из самых важных пунктов политической программы Эрдогана и его партии. Взаимная заинтересованность в партнерстве — налицо... Кстати, частью этой сделки вполне может стать скорое освобождение лидера курдской рабочей партии, общенационального лидера курдов Абдуллы Оджалана из турецких застенков, отбывающего там наказание с 1999 года.

Ну, а что же касается Тель-Авива, то появление на Ближнем Востоке еще одного неарабского и светского государства — настоящий подарок для Израиля, что и объясняет прозвучавший 29 июня призыв Бенджамина Нетаньяху создать независимый Курдистан. Мотивация израильской позиции логически безупречна — Тель-Авив должен поддерживать стремление курдов к независимости ради ослабления исламистов. Столь же безупречен и геополитически расчет — курдско-арабская напряженность в регионе стратегически расширит пространство для маневра Израиля. Но и здесь отчетливо пахнет нефтью.

Израильские спецслужбы активно задействовали возможности курдского движения за независимость в своих интересах, сначала для борьбы с Саддамом Хуссейном, а затем и против Тегерана. Израильские инструкторы участвовали в подготовке спецназа курдского ополчения и в определенной мере помогали «ставить на крыло» спецслужбы, теперь уже по факту, бывшей автономии. А благодарность курдской стороны носит вполне материальный характер — на днях Курдистан осуществил первую поставку нефти в Израиль. Но это лишь первая официальная поставка, поскольку танкеры с нефтью из Иракского Курдистана только в нынешнем году разгружались в портах Ашкелона и Хайфы уже как минимум четыре раза: в конце января, в начале февраля и дважды в начале марта.

Израильские спецслужбы активно задействовали возможности курдского движения за независимость в своих интересах

Запах нефти и предчувствие стратегической нестабильности

Масуд Барзани «Независимый Курдистан» сегодня — это насквозь западный проект, в котором тесно сплелись интересы вашингтонских «ястребов», транснациональных корпораций, Израиля и турецких элит, стоящих за Эрдоганом. Именно этот клубок — основные выгодополучатели от затеянного руководством Иракского Курдистана «переформатирования» автономии в самостоятельное государство.

Реализация нынешней концепции «Государства Курдистан» самым серьезным способом затрагивает интересы Ирана. Особую озабоченность Тегерана должен вызывать целый ряд последствий такого стремительного появления на политической карте Ближнего Востока нового государства:

- Руководство Курдистана тесно связано финансовыми и политическими узами с транснациональными корпорациями и наиболее агрессивной, антиирански (и одновременно антироссийски) настроенной частью американского истеблишмента.
- Нефтяные и газовые контракты установившего контроль над огромными по запасам нефтяными полями Курдистана с Турцией означают, что «диверсификация» поставок энергоресурсов, которыми после Украины особенно озаботился Запад и, разумеется, Анкара, становится реальностью. Установив особые отношения с Иракским Курдистаном, Турция начала уверенно двигаться к своей заветной цели — ослаблению энергетической зависимости от поставок из Ирана, а следовательно в борьбе за региональное лидерство Анкара может теперь вести себя более напористо и агрессивно.
- Иракский Курдистан в силу целого ряда причин тесно связан с Израилем, и эта связь будет только укрепляться, охватывая все новые и новые сферы сотрудничества, от военно-технических связей до совместных операций израильских и курдских спецслужб. А учитывая то, как активно Израиль всегда использовал различные курдские экстремистские группировки против Ирана, ничего хорошего от укрепления этих связей Тегерану ждать не приходится.
- Пресловутые исламисты в Ираке — это лишь пена, которая быстро схлынет. Когда реализуемый с помощью ИГИЛовцев проект расчленения Ирака подойдет к своему логическому завершению и на месте одной страны образуется три государства, исламистов за ненадобностью попросту перестреляют их же вчерашние соратники. А вот плацдарм для антисирийской и антииранской деятельности с центром в Эрбиле останется и будет активно использован в дальнейшей игре США и их союзников против Ирана и Сирии.
- Создание нового курдского государства — эта новая головная боль, новый фактор напряженности для Ирана. США, Израиль и Турция, идя на создание курдского государства, ожидают, что это отвлечет огромные ресурсы у Ирана, и, в конечном итоге, надеются, что эта бомба замедленного действия сделает Иран более сговорчивым по многим стратегически важным для этих стран вопросам, в том числе по Сирии, Ираку, Палестине, Афганистану, и при решении даже той же пресловутой иранской ядерной программы.

Территория компактного расселения курдов, которую они называют Курдистаном, занимает около 560 тысяч квадратных километров и расположена на стыке границ Ирака, Ирана, Сирии и Турции. По разным оценкам, в Турции проживают около 15 миллионов курдов, в Иране и Ираке — по 4–6 миллионов, в Сирии — около 2,5 миллионов. Горючего материала для проекта «Великий Курдистан», проекта, способного создать серьезные угрозы и для Тегерана, и для Дамаска, и для всего Ближнего Востока, вполне достаточно...

Александр Собко

Куда пойдет иранский газ: тест на геополитические амбиции Тегерана

Нельзя не заметить, что «иранская» тема последнее время все чаще стала появляться на страницах СМИ. Логика здесь понятная. С одной стороны, Евросоюз понял, что иранский газ — это фактически единственная возможность снизить объем российских поставок. Альтернативные поставщики работают на пределе, азербайджанского газа будет мало, с СПГ — все давно ясно. Естественно, этот вариант отчасти устраивает и Соединенные Штаты (по крайней мере, те группы, которые готовы к разморозке отношений с Ираном). Тем более и там понимают: неопределенно долго сохранять режим санкций не получится. И если иранский газ все равно выйдет на рынок — то пусть хотя бы послужит снижению зависимости Евросоюза от России. Правда, делать какие-то серьезные выводы из намеков на потепление между Ираном и странами Запада пока рано. Сигналы к «перезагрузкам» — с такой же мотивацией — наблюдались за последние годы уже не раз. Но пока — все по-старому.

Скажем прямо, России выгодна ситуация с замороженным газовым экспортом этой страны. Одновременно понятно, что ситуация это в любом случае ненормальная. Слишком большие у Ирана запасы (формально — первые в мире, по сути — паритет с Россией), слишком нужен мировой экономике дополнительный газ.

А раз так, и процесс объективно невозможно остановить, то нужно в нем хотя бы поучаствовать. Как договориться с Ираном, в общих чертах понятно.

Самое простое и первое — разделить рынки. Как известно, Иран уже давно хочет реализовать проект газопровода Иран-Пакистан-Индия. Но не сложилось. Сначала «соскочила» Индия, под формальным предлогом плохих отношений с Пакистаном, потом и Исламабад, также под давлением США, сдал назад, хотя Иран уже построил газопровод по своей территории.

Теперь страны будут покупать супердорогой СПГ, в первую очередь катарский. Индия его уже покупает, Пакистан готовится. Но понимание, сколько они переплачивают, и как это отражается на экономике, неизбежно появится. В то же время о заинтересованности в альтернативах говорят и анонсированные Индией проекты (скорее — мечты) о трубопроводах из России. Да и тот же ТАПИ (Туркменистан-Афганистан-Пакистан-Индия) все никак не хотят «закрыть».

На этом фоне газ из Ирана был бы заметно дешевле (10 долл. за млн БТЕ против как минимум 15 долл. в случае СПГ). И этот газ может быть доставлен с минимальными усилиями. При этом и Пакистан, и Индия — очень емкие рынки, особенно в случае достаточно низких цен.

А Россия на этих рынках или не присутствует вообще, или умеренно (недавно «Газпром» договорился о поставках СПГ в Индию). Объективно для нас эти рынки слишком удалены — и «трубопроводно», и даже СПГ уже довозить туда получается не очень удобно.

Но остается и второе направление — западное. И тут у Ирана есть два варианта газовой экспансии.

Во-первых, это газопровод Иран-Ирак-Сирия, анонсированный еще несколько лет назад. Правда, газ на сирийском берегу тоже когда-то планировалось сжижать и отправлять в Европу. Но этот вариант очевидно нерентабельный — проще сжижать на месте.

Во-вторых, это собственно европейский экспорт — в таком случае иранский газ пойдет в Европу через Турцию.

Но тут появляются понятные минусы. Во-первых, граница Иран-Турция — это территории Турецкого и Иранского Курдистанов. Спокойно тут и не было никогда, а после последних событий в Ираке (когда раздел на три части становится все более реальным) и усилении Иракского Курдистана идея об общем государстве для курдов может выйти на новый уровень. Но даже если представить, что с курдами удастся договориться, остается главное. Иран и Турция — очевидные региональные конкуренты.

Заходя со своим газом в Турцию, Иран автоматически вписывается в чужой проект, в первом приближении — турецкий. Напомним, что Турция хочет стать таким нефтегазовым хабом для поставок в ЕС энергоносителей из Ирана, Ирака, Азербайджана, возможно и Средней Азии.

Газопроводная суперось Сирия-Ирак-Иран-Пакистан-Индия — отличный «стержень», на который можно было бы нанизывать все остальные составляющие

Альтернатива для Ирана — собственный проект влияния в регионе. А газопроводная суперось Сирия-Ирак-Иран-Пакистан-Индия — отличный «стержень», на который можно было бы нанизывать все остальные составляющие. И если такая ось будет создана, то европейский экспорт для Ирана автоматически уйдет на второй план — обеспечить бы газом всех потребителей.

Конечно, идут разговоры про европейский экспорт, в том числе и от иранских официальных лиц. Но это фактически «морковка» для европейцев. Не так-то просто снять санкции с условием, что газ пойдет только в Европу. Тем более что уровень проработанности проектов европейского газового экспорта на порядок ниже, чем восточного.

И в любом случае иранский газ — даже если все (для ЕС) пойдет как по маслу — попадет в Европу не раньше, чем лет через десять. Месторождения пока фактически не разрабатываются, в переговорах по выходу из международной изоляции только начались подвижки, вопросы безопасности

транспортировки, что выше обсуждалось, никто не отменял. Плюс остается огромный внутренний рынок. Как известно, пока даже для своих северных территорий Ирану приходится закупать газ у Туркменистана.

Другое дело, что Европа уже сейчас прислушивается к сигналам о своем газовом будущем, чтобы понимать, как долгосрочно выстраивать отношения с Россией. И тут, конечно, некоторая правильная определенность со стороны Ирана была бы для нас весьма кстати.

Европа уже сейчас прислушивается к сигналам о своем газовом будущем, чтобы понимать, как долгосрочно выстраивать отношения с Россией

Что может предложить Ирану Россия? Во-первых, политическую поддержку. Во-вторых, РФ готова оставить за Ираном рынки соседних стран. Есть еще масса вариантов, о которых говорить пока рано. Это и своповые (обменные) операции и в трубопроводном секторе, и особенно в секторе СПГ, если он у Ирана появится. Это и участие российских компаний с большим опытом работы в строительстве трубопроводов. Это и опять же более тесное взаимодействие по линии Форума стран-экспортеров газа (газовая ОПЕК), деятельность которого пока не выходит за рамки деклараций.

Остается еще одна проблема. Иран могут вынудить на европейский экспорт, создавая горячие точки в ключевых местах пока гипотетического иранского мегагазопровода, — это и Ирак, и пакистанский Белуджистан. Правда, как при этом же удастся сохранить спокойствие в курдском регионе, не совсем понятно.

Но тут одновременно появляется и еще один общий интерес России и Ирана — стабильность на всем евразийском континенте. Стабильность, которую и могут обеспечивать протяженные трансграничные газопроводы, когда все страны-участники оказываются взаимозависимы.

Конечно, эксцессы тут возможны, и перед нашими глазами пример. Но это опять же из разряда исключений, которые подтверждают правило. Нынешняя ситуация с Украиной для того и была искусственно создана, чтобы разрушить межстрановую кооперацию (по линии Россия-ЕС), стержнем которой еще с советских времен стала труба.

Если же исключить фактор внешнего влияния, то сами такие газопроводные системы являются отличной связкой, не позволяющей объективно существующим межстрановым противоречиям развиваться в серьезные конфликты.

И если Россия закрывает своей мегатрубой север Евразии (условно это ось ЕС-Россия-Китай), то Иран мог бы реализовать аналогичный вариант на юге. Благо для этого хватает и запасов, и, как представляется, геополитических амбиций. Дополняя друг друга и практически не конкурируя, Иран и Россия таким способом создадут дополнительный элемент стабильности на евразийском континенте.

16 причин иранского недоверия к России

Тегерану, пусть еще и не полностью, но удалось прорвать международную изоляцию, в которую его загонял режим калечащих санкций, установленный Западом. Тем не менее, динамика развития российско-иранских отношений пока, что называется, «не дотягивает» до уровня стратегического партнерства. Что же настораживает иранскую сторону? Что мешает Тегерану видеть в Москве надежного политического и экономического партнера?

История отношений между нашими странами никогда не была простой. 19-й и 20-й век, и век 21-й привнесли в историю нашего соседства немало горьких для Ирана страниц. И хотя публичных дискуссий на эту тему почти не проводится, тем не менее, в общественном сознании иранцев крепко засели своеобразные историко-политические эпизоды, которые создают проблемы в наших отношениях, которые мешают открыто и доверительно относиться к нашей стране.

Гюлистанский мирный договор (1813)

Первая русско-персидская война (1804–1813 гг.) обернулась для Персии почти катастрофой. По ее итогам был подписан крайне для нее невыгодный Гюлистанский мирный договор (1813), по которому от Персии к Российской империи отошли значительные территории, в том числе Дагестан, Грузия с Шурагельской провинцией, Имеретия, Гурия, Мингрелия и Абхазия, а также Карабахское, Ганджинское, Шекинское, Ширванское, Дербентское, Кубинское, Бакинское и Талышское ханства. Кроме того, по этому договору Персия лишилась права держать военный флот на Каспийском море.

Туркменчайский мирный договор (1828)

По окончании второй русско-персидской войны (1826–1828 гг.) был подписан Туркменчайский мирный договор, по которому Персия вновь утратила часть территорий (Нахичеванское ханство, Ордубадский округ и некоторые другие территории) и выплатила огромную контрибуцию, поставившую ее на грань экономического краха.

Договор о разделе сфер влияния в Иране между Россией и Великобританией

В период же между 1900 и 1907 гг. Россия почти открыто проводила политику колониальной экспансии в Персии, а тогдашний российский премьер С. Ю. Витте в открытую говорил о необходимости включения всей северной части Персии в состав Российской империи, наподобие областей Кавказа. Эти проекты были не просто словами и некими мечтами — согласно договору 1907 года Российская и Британская империи поделили Персию между собой на сферы влияния, практически лишив ее суверенитета.

Оккупация Ирана в 1941 году советскими и английскими войсками

Совместная британо-советская операция под кодовым наименованием «Операция Согласие» по занятию территории Иранского государства (Персия в 1936 году была переименована в Иран) закончилась оккупацией страны. 8 сентября 1941 года было подписано соглашение, согласно которому иранское правительство обязалось выслать из страны всех граждан Германии и других стран союзников Берлина, придерживаться строгого нейтралитета и не препятствовать военному транзиту стран Антигитлеровской коалиции. Предлог для ввода войск — «противодействие гитлеровской агентуре» — был достаточно «натяннут», немецкое влияние в Иране было не большим, чем на остальном Ближнем Востоке, однако 12 сентября 1941 года английский посол в СССР Криппс инициирует обсуждение между Лондоном и Москвой кандидатуры нового главы Ирана. Выбор пал на сына шаха Резы Пехлеви — Мохаммеда Резу Пехлеви. 15 сентября союзники ввели войска в Тегеран, а 16 сентября шах Реза был вынужден подписать отречение в пользу сына.

Партия «Туде»

После окончания Второй мировой войны с целью отторжения Южного Азербайджана и северных территории Ирана и последующего их присоединения к Азербайджанской ССР, по приказу Иосифа Сталина, СССР создает на этих территориях Народную партию Ирана (партия «Туде»). В результате деятельности этой партии страна оказалась на грани раскола и гражданской войны. Поддерживая деятельность «Туде» и иранских сепаратистов, СССР приостановил вывод войск из Ирана, чем дал повод иранцам подозревать Москву в стремлении отторгнуть часть территории страны, а в оставшейся части — привести к власти «кремлевских марионеток». После вывода войск СССР армия Ирана в короткое время разгромила партию «Туде», погибли тысячи людей.

Попытка отторжения Южного Азербайджана

На оккупированной советскими войсками (по соглашению с Великобританией) территории Ирана началось демократическое движение, ознаменовавшееся образованием Демократической Азербайджанской республики

со столицей в Тебризе. СССР рассматривал вопрос о присоединении вновь образованной республики к Советскому Союзу в составе Азербайджанской ССР. В апреле 1946 года вооруженные силы этой самопровозглашенной республики начали наступление на Тегеран, но успеха не добились. СССР тянул с выводов войск из Ирана и этим сильно насторожил иранцев, только после серьезного давления и ультиматумов со стороны США и Великобритании к 9 мая 1946 г. 60-тысячный контингент советских войск был выведен из Ирана, что означало и конец Демократической Азербайджанской республики, и жестокие репрессии иранских властей в отношении его активистов.

Поддержка иранских курдов из Мехабадской республики

Руководство бывшего Союза было заинтересовано в использовании курдов для ослабления английского влияния в странах Ближнего Востока. 24 января 1946 года, незадолго до вывода советских войск из Ирана, на западе страны была провозглашена Курдская (Мехабадская) республика. После вывода советских войск республика пала, а руководители курдов-повстанцев попали в устроенную шахом ловушку: они были приглашены в Тегеран для переговоров, схвачены там и повешены. Лишь один курдский лидер — Барзани избежал этой участи и был вынужден вместе с соратниками перейти границу СССР, оказавшись на территории Азербайджана. Советский Союз организовал обучение Барзани и его офицеров в советских военных училищах и академии и заверил самого Барзани, что «при возникновении подходящих условий» приложит все усилия для их возвращения в Курдистан.

Афганская кампания СССР

12 декабря 1979 г. Советский Союз ввел войска в Афганистан. Реакция Тегерана на ввод «ограниченного контингента» была резко отрицательной не только потому, что СССР, как считалось, «совершил акт агрессии в отношении мусульман», но главным образом потому, что поддерживаемое советскими войсками правительство в Кабуле развернуло широкомасштабные репрессии против афганских шиитов, которые массово бежали в Иран. Тегеран активно включился в поддержку шиитов на территории Афганистана. К середине 1980-х гг. в Иране было создано до 18 центров подготовки афганских боевиков с максимальной численностью 10 тысяч человек.

СССР в ирано-иракской войне активно поддержал Саддама Хуссейна

СССР оказывал, «рука об руку» с США, активную помощь Саддаму Хуссейну в период ирано-иракской войны (1980–88гг). На момент начала иракской агрессии против Ирана в Ираке находилось около 1200 советских военных специалистов, и именно советская военная техника и вооружения, особенно широкое использование Саддамом Хуссейном советских ракет семейства «Скад», сильно осложняли жизнь иранцам и нанесли им огромный

урон. О значимости советской помощи Багдаду говорит хотя бы тот факт, что когда 6 февраля 1983 года 200 тысяч иранских военнослужащих начали успешное наступление на Багдад, только массированные удары спешно поставленных Ираку советских штурмовиков спасли Саддама Хуссейна от падения его столицы.

После окончания ирано-иракской войны (1988 г.) Москва усиленно восстанавливала иракскую военную машину, а когда в феврале-марте 1991 года иракская армия танками давила мирное гражданское население и оскверняла шиитские святыни в Неджефе и Кербеле, расправляясь с имамами и шиитскими авторитетами, ни Москва, ни Вашингтон не осудили действий Саддама Хуссейна.

И в период, когда Ирак был «обложен» санкциями, и, что поразительно, после свержения в 2003 году якобы «дружественного Москве» режима иракского диктатора, российские компании буквально распахивали друг друга в борьбе за нефтяные и другие контракты с Ираком, полностью при этом игнорируя нормальные экономические связи с Тегераном. Новейшая история российско-иракских отношений сформировала у Тегерана убеждение, что Москве и российскому бизнесу важны только и исключительно прибыли при полной беспринципности в политическом плане.

Несправедливое деление Каспия

Взаимоотношения СССР с Ираном по использованию и разграничению Каспийского моря регулировались двухсторонними соглашениями от 1921 и 1940 годов. В соответствии с ними Каспийское море считалось внутренним водоемом этих двух государств, и его раздел осуществлялся на паритетной основе, т.е. 50 на 50. После распада СССР новообразованные независимые государства (Казахстан, Азербайджан и Туркменистан) при определении статуса Каспия, вполне естественно, претендовали на свою собственную долю. Здесь Иран мог развести руками и сказать: «Все, что Вы (Россия, Казахстан, Азербайджан и Туркменистан) хотите делать, можете делать в пределах тех 50%, которые принадлежали СССР, ибо все что там у Вас произошло, оно произошло на Вашей территории и Иран к этим процессам не имеет никакого отношения». Вместо этого Иран с целью поддержания молодых экономик новообразованных соседних государств (конечно, не без желания укрепить таким образом эти страны экономически, чтобы они меньше зависели от России) неожиданно предлагает поделить Каспий на паритетной основе, т.е. по 20% каждому прикаспийскому государству. В те 90-ые годы антииранский маховик США и Запада только начинал набирать обороты, и новообразованные государства эту инициативу Ирана восприняли как его слабость и уязвимость. Опираясь на поддержку Запада, новообразованные государства выступили с собственной инициативой раздела Каспия не на паритетной основе, а по принципу так называемой «серединной линии», согласно которому Иран получал всего лишь немногим больше 13% каспийского бассейна. И самым неприятным в этой истории для Тегерана было то, что Москва, солидаризируясь с этими молодыми государствами, также поддержала их необоснованные требования и совершенно несправедливый принцип, с точки зрения Ирана, раздела каспийского моря.

Сделка Гор-Черномырдин

В 1995 году Россия заключила с США беспрецедентное соглашение по Ирану. В соответствии с российско-американскими договоренностями, оформленными в «меморандуме Гора-Черномырдина», Россия обязалась завершить выполнение всех своих контрактов с Ираном по поставкам вооружений и военной техники (ВВТ) и оказанию услуг военного назначения до 31 декабря 1999 года и впредь не заключать новых. Помимо этого, РФ была вынуждена отказаться от поставок Ирану запчастей к ВВТ, которые она согласно российско-иранским договоренностям должна поставлять до 2011 года. Примечательно, что уступив давлению Вашингтона в отношении Ирана, Москва понесла потери в размере 4 миллиардов долларов, которые никогда не были компенсированы Вашингтоном.

Политическая подоплека долгостроя Бушерской АЭС

Контракт по Бушерской АЭС практически спас атомную промышленность России, сохранил отрасль от полного уничтожения в результате деятельности «рыночных реформаторов». Однако, в 90-е и начале 2000-х годов Москва вела строительство в полной зависимости от позиции США, срывая сроки сдачи и монтажа в соответствии с пожеланиями Вашингтона. При всей уникальности проекта (не строит с нуля, а достраивать на базе технологии Сименс) и паталогической экономности иранцев Бушерскую АЭС можно было построить за 5–7 лет, а так с момента подписания контракта (1995 г.) и до его полного выполнения (2013 г.) прошло 18 лет. В этом затягивании проекта существенную роль сыграла политика. Так, к примеру, 10 мая 1995 года в ходе визита в Москву президента США Билла Клинтона американская сторона заставила Бориса Ельцина в одностороннем порядке исключить из «Бушерского контракта» поставку центрифуги, которую, по мнению американцев, иранцы могли использовать для получения ядерных материалов двойного назначения. Стоимость центрифуги (500 миллионов долларов) составляла половину суммы всего тогдашнего контракта России и Ирана. Долгострой Бушерской АЭС утвердил иранцев во мнении, что любой российско-иранский проект становится для России разменной монетой в политических торгах с США.

Поддержка Россией антииранских санкции в СБ ООН

В период с 1979 года и по настоящее время США и их союзники по НАТО под различными предлогами неоднократно вводили санкции в отношении Тегерана, которые охватывали практически все сферы — от экономики до научного обмена. Москва мало того, что достаточно лояльно относилась к этим санкциям, но и, по сути, их поддерживала. Надуманность резолюции Совета Безопасности ООН в отношении дальнейшего расширения санкционного режима не только не вызвала протестов Москвы, но и была принята с молчаливого согласия России, не использовавшего своего права вето для блокирования этих откровенно предвзятых резолюций, не подкрепленных никакими серьезными доказательствами. Более того, Россия, стремясь угодить Западу, в одностороннем порядке приняла совершенно избыточное, расширительное толкование некоторых резолюций, отказавшись от супер-

выгодных сделок на многие миллиарды долларов с Ираном, которые под действие резолюции не попадали. «Калечащие санкции», которые вводились Западом в отношении Тегерана в одностороннем порядке и наносили огромный ущерб иранской экономике и населению, во многом стали возможными при молчаливом согласии российской стороны, не проявлявшей никакой принципиальности в данном вопросе.

С-300 и другие контракты

Поддавшись давлению Запада и поверив обещаниям Израиля и саудитов, президент Дмитрий Медведев наложил запрет на поставку в Иран зенитных ракетных комплексов С-300, бронетехники, боевых самолетов, вертолетов и кораблей. Сделка России с Ираном по ЗРС на общую сумму \$800 миллионов, как и предстоящие контракты по ВТС еще на \$4,2 миллиарда, были в одностороннем порядке разорваны российской стороной. Уступая настойчивым просьбам премьера Бенджамина Нетаньяху, тем же указом Дмитрий Медведев запретил использовать территорию России для перевозки вооружений в Иран транзитом, вывозить вооружения непосредственно с территории России, передавать их вне пределов страны под флагом России. Кроме того, был наложен запрет въезжать на территорию России некоторым гражданам Исламской республики, которых Израиль и США подозревали в причастности к созданию военной составляющей иранской ядерной программы. Одновременно с этим указом последовали и закрытые решения. В частности, было окончательно похоронено соглашение начала 2000-х об обмене разведывательной информацией по террористическим группировкам между специальными службами Ирана и России. Отказ от поставок С-300 в Иран нанес огромный урон российско-иранским отношениям и практически полностью подорвал доверие иранцев к России. Все до единого в Иране понимали, что С-300 является чисто оборонительным оружием, и решение России, принятое вопреки ее же политическим и экономическим интересам, продемонстрировало полную зависимость Москвы от внешней политики Вашингтона.

Западное влияние на экономику и политику Москвы

Под влиянием Запада товарооборот между Россией и Ираном существенно сократился. Двусмысленная позиция российского правительства не дает возможности малому и среднему бизнесу не только расширять, но и даже сохранить уже имеющиеся позиции на иранском рынке. Десятки российских компании, которые были ориентированы на бизнес с Ираном, в результате этой двусмысленности, обанкротились или же испытывают неимоверные сложности. В деле раскачивания экономических отношений и негласной поддержки американских санкций пальма первенства, бесспорно, принадлежит банковской системе России, фактически полностью прекратившей любые операции с Ираном. Дело дошло до того, что американские и западные банки начали требовать от российских партнеров по банковской системе отчета по любым транзакциям, связанным с Ираном, не разбирая, физическое или юридическое российское лицо их выполняет.

Подобная ситуация сформировала у иранской стороны убеждение в том, что банковская и финансовая система России полностью контролируется США и Западом. Практически вся банковская система России, включая крупнейшие государственные банки типа Сбербанк, ВТБ, Газпромбанк и ряда других, полностью исключила любую деятельность с Ираном или связанную с Ираном. Банки свой отказ от обслуживания контрактов с Ираном объясняли наличием некой особой рекомендации от ЦБ «не работать» с этой страной, и позиция Президента России в этом вопросе им, как говорится, не указ.

Экономическая и технологическая отсталость России

Российский бизнес на иранском рынке заведомо слабее своих западных конкурентов. Он не умеет демпинговать, у него нет длинных и дешевых денег, нет поддержки со стороны собственного банковского сообщества, государственных механизмов стимулирования развития экспорта, серьезной практики долгосрочных экономических проектов. Немаловажно и то, что иранским бизнесменам и технократам Запад понятен больше, чем российский бизнес. Они тесно с ним работали, многие из них получили образование в Европе, хорошо разбираются в плюсах и минусах как в западном стиле ведения дел, так и в особенностях практических подходов к решению того или иного проекта. Не менее серьезной проблемой является и общее технологическое отставание российской производственной базы. Нам, по сути, нечего предложить Ирану в таких столь важных для него областях как станкостроение, автопром и электроника. Это обстоятельство порождает у иранского бизнеса серьезные сомнения в необходимости развития экономического партнерства с Россией, поскольку все необходимое для экономического развития они вполне могут получить на Западе, пусть и непрямыми путями.

Разумеется, российская сторона тоже задается вопросом о том, насколько она может доверять Тегерану. Да и в данной статье мы лишь констатируем факты, не вдаваясь в анализ их причин. Подобный острый, но так необходимый всем нам разговор — тема большого цикла статей, готовящихся к публикации на Iran.ru в ближайшее время. А в рамках же данного материала хотелось бы в завершение отметить одну очень важную вещь. До недавнего времени и российская внешняя политика, и внешнеэкономическая деятельность нашей страны вызывали много вопросов, если не сказать — откровенное недоумение. И не только в Тегеране, но и на всем Ближнем Востоке. Сегодня ситуация начинает меняться, но избавление от груза прошлых ошибок не может произойти в один день. Хотя избавляться от них надо, поскольку ошибки нашей страны — это не только ее внутреннее дело. От нашей политики зависит безопасность остального мира, и осознание этой ответственности должно красной нитью проходить и в отношениях с Тегераном, и в отношениях с любой другой страной.

Владимир Ефимов

Могут ли Россия и Иран стать стратегическими партнерами?

Скоро должны завершиться переговоры между «Шестеркой» и Ираном по иранской ядерной программе, в результате которых последует полное снятие финансовых и торгово-экономических санкций с ИРИ, введенных в свое время по инициативе Запада. Очевидно, что с учетом огромного экономического потенциала Ирана, имеющего крупнейшие в мире запасы углеводородов (второе место в мире по газу и четвертое по нефти), неплохую базу для промышленного развития, хорошо образованные трудовые ресурсы и выгодное географическое местоположение, крупнейшие международные корпорации с нетерпением ждут этого момента, чтобы получить супервыгодные и масштабные контракты на восстановление, модернизацию и развитие экономики ИРИ.

Фактически, уже все последние месяцы идет своего рода «разведка боем», когда многие компании, в том числе тех стран, которые инициировали введение санкций, на практике прорабатывают сделки, чтобы они были готовы к заключению буквально на следующий день после отмены санкций. При этом обращает на себя внимание, что российские компании что-то не слишком спешат, как, впрочем, не проявляет особой активности и иранская сторона к тому, чтобы без промедлений приступить к развитию торгово-экономических отношений стратегического партнерства, хотя именно Москва наиболее активно добивалась полной и безотлагательной отмены санкций с Ирана.

Нельзя забывать и то, что, помимо всего прочего, Россия находится в непосредственной близости от Ирана, в отличие от стран ЕС, что существенно облегчает процесс развития отношений. Более того, значительные наработки в экономическом плане уже были сделаны в 90-е годы и в начале нынешнего века, а связи между российским и иранским бизнесом худо или бедно сохранялись, несмотря на то, что Россия, к сожалению, в свое время не стала блокировать введение предложенных США и Евросоюзом санкций по линии СБ ООН. При этом, надо отдать должное, Россия все-таки завершила реализацию проекта строительства АЭС в Бушере, несмотря на острую критику со стороны Запада. Не прерывались контакты и по линии ВТС, хотя, действуя с оглядкой на Запад и его угрозы ввести санкции против российских поставщиков вооружений, российские компании так и не решились поставлять ИРИ самые современные виды вооружений, в том числе оборонительные.

Отсюда вопрос — что ждет сотрудничество между нашими двумя странами после отмены санкций? Не окажется ли так, что Москва больше других при-

лагала усилия в этом направлении, а западные корпорации получают самые лакомые дивиденды от новой ситуации? Ведь это будет по крайней мере несправедливо. Но, к сожалению, на сегодня особого оптимизма в плане будущего российско-иранского сотрудничества не приходится испытывать, так как, во-первых, российская политическая элита, топ-менеджеры российской экономики и бизнеса все еще все свои шаги совершают с оглядкой на США, во-вторых, финансово-банковская система России фактически напрямую зависит от финансово-банковской системы США и Запада, и, в-третьих, прозападное лобби, «пятая колонна», произраильское лобби и очень активное в последнее время арабское лобби также препятствуют поворачиванию России лицом в Ирану. К сожалению, примерно такая же картина имеется и в Иране. Очевидно, что многие высокопоставленные представители иранской политической и экономической элиты, особенно из непосредственного окружения президента Хасана Роухани, не скрывают своего предпочтения западным, а не российским компаниям. Отсюда вопрос — сможет ли установиться стратегическое партнерство между РФ и ИРИ в период после санкций или же Тегеран все-таки переориентируется на Запад?

Прежде всего, хотелось бы отметить, что все предпосылки для установления привилегированных торгово-экономических отношений между Москвой и Тегераном имеются. И они подкрепляются общностью или близостью позиций по основным международным и региональным проблемам. Обе страны выступают против однополярного мира, против навязываемой Вашингтоном гегемонии и роли мирового жандарма, имеющего право на решение всех вопросов с применением силы. Очень важно и то, что уже многие годы Россия и Иран занимают консолидированные позиции по урегулированию проблемы Афганистана после завершения вывода оттуда войск НАТО, созданию на Ближнем Востоке и в Персидском заливе зоны мира и стабильности (Россия активно поддерживает предложение Ирана об объявлении Ближнего и Среднего Востока зоной, свободной от ядерного оружия), справедливому решению палестинской проблемы на базе норм международного права, прекращению американской экспансии в Центральной Азии и в Закавказье.

Еще более тесной стала двусторонняя российско-иранская политическая координация во время «арабской» весны, спровоцированной США и их союзниками из числа консервативных арабских монархий Персидского залива, прежде всего Саудовской Аравией и Катаром. Фактически, Москва и Тегеран стали той единственной внешней опорой, на которую смог положиться президент Сирии Башар Асад при отражении внешнего вторжения радикальных исламистов и прозападной вооруженной оппозиции, за которыми неприкрыто встали США, Великобритания, Франция, Турция, Иордания, аравийские монархии, бросившие на свержение законного сирийского правительства огромные силы и средства — военные, шпионские, информационные, финансовые, вплоть до прямого вмешательства поставками оружия, отправкой инструкторов и наемников. Лишь благодаря военной и политической помощи Москвы и Тегерана Дамаск смог не только удержаться, но и перейти в контрнаступление, приступив к ликвидации исламистского мятежа.

А буквально месяц назад РФ и ИРИ пришли на помощь Багдаду, который столкнулся с вооруженным наступлением радикальной исламистской группировки ИГИЛ, подчинившей себе до 30% территории Ирака. Иракская столица оказалась под угрозой падения, а США не откликнулись на призывы премьер-министра Ирака Нури аль-Малики о срочной военной помощи.

В результате, ее оказали Россия и Иран, которые направили на поддержку Багдада боевые самолеты и подразделения спецназа, и наступление боевиков было сорвано. Возникла еще одна важная зона военно-политического взаимодействия в регионе. А если учесть, что Иран, Ирак и Сирия — это основа так называемой шиитской дуги, то Россия вполне может получить совершенно иной региональный союз, на который можно опереться в проведении своей политики на Ближнем и Среднем Востоке.

При этом становится совершенно очевидно, что Москва и Тегеран не могут довольствоваться лишь двусторонним партнерством в международных и региональных делах. Поэтому необходимо активнее привлекать ИРИ в многосторонние форматы, тем более что сами иранцы заинтересованы в них участвовать. В первую очередь, речь идет о более плотном подключении Ирана к ШОС, где иранцы сейчас имеют совершенно несправедливо статус наблюдателя, хотя обсуждаемые в этой организации вопросы непосредственно касаются интересов ИРИ, такие как Центральная Азия, Афганистан, безопасность в Южной Азии. А внутри ШОС создание оси Москва — Пекин — Тегеран могло бы стать серьезным противовесом попыткам США и НАТО навязать свои подходы в Азии. Еще одна перспективная схема многостороннего взаимодействия — подключение Ирана к работе БРИКС. Ведь Иран по своему нынешнему значению и перспективам участия в мировых делах никак не уступает ЮАР или Бразилии. Тем более роль и влияния ИРИ станет неуклонно расти по мере роста иранской экономики и повышения ее доли в мировой энергетической безопасности в постсанкционный период.

Понятно, что никакое стратегическое партнерство между государствами не может базироваться лишь на военно-политических факторах. В основе всего в любом случае лежит экономическое взаимодействие. Иначе смысл стратегического партнерства просто выхолащивается. Достаточно вспомнить хотя бы тот факт, что в свое время СССР всегда в военном и политическом плане поддерживал арабов в противостоянии Израилю, но при этом доходы от экспорта нефти арабы размещали в банках США и Европы, закупали оборудование и потребительские товары большей частью на Западе, предпочитая в отношениях с Советским Союзом создавать стратегические объекты экономики (металлургия, энергетика, нефте — и газодобыча, ирригация, промышленные предприятия и т.д.) «под ключ», да еще и на основе получения от Москвы льготных кредитов. Тем самым мы почти ничего не получали взамен в экономическом плане, помогая странам «третьего мира» в сфере ВТС и поддерживая их политически на международной арене. Но теперь, с учетом новых реалий современной России, такой подход не работает. И всем партнерам, в том числе Ирану, надо это понимать. Тем более что и для Тегерана значительное торгово-экономическое взаимодействие с РФ является гарантом неповторения того, что Запад сможет вновь ввести санкции против ИРИ. А сферы для такого двустороннего сотрудничества весьма многообразны. Это и нефтегазовый сектор, прежде всего участие российских компаний в развитии месторождения Южного Парса, и транспорт, включая участие РФ в строительстве и модернизации иранских железных дорог, а также развитие портового хозяйства на побережье Персидского залива и Аравийского моря, создание Южного транспортного коридора, о котором недавно была отдельная публикация на сайте Иран.ру, продолжение развития программ мирного атома, включая создание новых энергоблоков на ядерном топливе, создание крупных иранских промышленных мощностей различного профиля, взаимо-

действие в банковско-финансовом секторе для укрепления независимости ИРИ от западной банковской привязки, налаживание инвестиционных связей и т. д.

Все предпосылки для этого есть, хотя, нужно честно признать, остается взаимное недоверие между представителями бизнес-кругов обеих стран. Кроме того, многие представители иранских деловых кругов, получивших образование на Западе, твердят о технологическом преимуществе стран Запада над РФ, забывая при этом, что ни США, ни Евросоюз никогда не передадут ИРИ свои самые передовые технологии, а у ИРИ еще нет в достаточном количестве собственных квалифицированных кадров для их освоения. Да и стоимость услуг российских компаний и специалистов существенно ниже, чем западных.

Кроме того, с российской стороны в качестве партнеров с ИРИ часто выступают государственные корпорации или компании с существенным государственным участием, что само по себе служит гарантией строгого соблюдения контрактных обязательств, тогда как корпорации США и ЕС зачастую идут на поводу политических указаний своих властей и в любой момент могут прекратить сотрудничество, как это сделали многие западные компании с Россией из-за кризиса на Украине под давлением решений Еврокомиссии, хотя это и нанесло ущерб самим же иностранным компаниям. Видимо, иранцам стоило бы внимательнее изучить здесь опыт России и тех стран, которые не идут на поводу политического давления США и ЕС, предпочитая проводить независимый политический курс. Иначе можно вновь оказаться под действием санкций, или, что еще хуже, стать жертвой «цветной революции», если в стране возрастет влияние прозападных либеральных кругов. И не надо забывать, что у Ирана имеются серьезные внешние противники нормализации отношений с Западом в лице Саудовской Аравии и Израиля, которые будут чинить этому процессу многочисленные препоны. А вот на Россию эти две страны особого влияния на иранском направлении не оказывают.

Для становления российско-иранского стратегического партнерства необходимо наличие в Иране серьезного лобби, которое продвигало бы интересы России в ИРИ, и наоборот — существование в России такого же лобби, кругов, продвигающих иранские интересы в нашей стране и способствующих формированию благоприятного образа ИРИ в России. К сожалению, здесь нечем похвалиться обеим странам. Формально есть и межправкомиссия, и вроде бы совместный деловой совет, но они во многом существуют чисто формально. А здесь нужны влиятельные энтузиасты, способные возглавить процесс российско-иранского сближения как в политике, так и в экономике. Нужны Де Голи от экономики и Маршаллы с их новыми планами от стратегов. Крайне нужны, просто необходимы и структуры менее формального характера, способные, опираясь на взаимное доверие, находить развязки многих вопросов без их вынесения на уровень официальных переговоров. Поэтому обеим странам, если они хотят выйти на уровень стратегического партнерства, от которого только выиграют как Иран и Россия, так и сопредельные регионы, необходимо срочно продумать план действий и составить своего рода «дорожную карту», идя по которой, можно выйти на стратегическое партнерство.

Венская пауза и треугольник Москва — Тегеран — Вашингтон

Наивным было бы надеяться, что договоренности о выработке удовлетворяющей всех формулы гарантий мирного характера иранской ядерной программы к 20 июля нынешнего года, достигнутые шесть месяцев назад в Женеве между «шестеркой» и Ираном, будут исполнены точно в срок и приняты «день в день». На завершающихся в Вене переговорах вновь возникла пауза. Но, в отличие от прошлых лет, эта, нынешняя, похоже — финальная.

«Западная часть» международных посредников (США, Великобритания, Франция и координатор от Евросоюза Кэтрин Эштон) достигла на переговорах логической точки, после которой остается только два варианта: либо подписывать соглашения и снимать с Тегерана введенные в одностороннем порядке санкции, либо признать, что претензии к Ирану не имеют ничего общего с его ядерной программой. Поскольку большей открытости и готовности к диалогу, большего содействия международному контролю, чем продемонстрировали иранские переговорщики за последний год, для суверенного государства представить себе попросту невозможно.

Традиционные аргументы Запада вроде «озабоченности мирового сообщества ядерной программой Ирана» и «внешней политики Тегерана как источника региональной напряженности» тоже уже не срабатывают. Во-первых, ни о каком озабоченном иранским ядерным досье «международном сообществе» говорить не приходится — более 160 стран-участников Движения неприсоединения выразили поддержку права Ирана на мирные ядерные разработки, Россия и Китай четко обозначили недопустимость односторонних санкций, бизнес-сообщество стран-членов НАТО настаивает на нормализации отношений с Тегераном. Во-вторых, «источником региональной напряженности» Иран является только и исключительно в глазах Саудовской Аравии и Израиля, а за последние пару лет мир уже имел возможность убедиться, что именно эгоистическая и агрессивная политика этих стран является источником региональных конфликтов, что на самом деле, не будь Ирана, Ближний Восток погряз бы в войне всех против всех. И даже у самых близких партнеров Эр-Рияда и Тель-Авива все меньше и меньше желания подыгрывать их антииранской политике.

В Вене переговорщики свою работу сделали. Теперь решение должно быть принято высшим политическим руководством в Вашингтоне и в Тегеране, и зависит оно не столько от технических деталей будущего соглашения, сколько от совокупности факторов, которые, на первый взгляд, никакого отношения к собственно ядерной программе Тегерана не имеют.

Вилка для Обамы и Керри

Проведя консультации со всеми занятыми на переговорах в Вене сторонами, госсекретарь Джон Керри вылетел в Вашингтон для экстренного доклада «о проделанной работе» лично Бараку Обаме. В среду американский президент и госсекретарь беседовали вдвоем, в четверг, по итогам общения, к обсуждению подключились вице-президент Джо Байден и ряд наиболее влиятельных конгрессменов. Ожидается, что к понедельнику Пентагон, министерство финансов и разведывательное сообщество США подготовят для Обамы свои соображения с оценкой последствий подписания соглашения с Ираном и вариантами отмены санкций. Мозговой штурм в Белом доме вполне объясним, и если кто-то попросит охарактеризовать реакцию Обамы и Керри на сложившуюся в Вене ситуацию, то единственное подходящее слово здесь — «доигрались».

Никто не сделал для запутывания ситуации вокруг иранского ядерного досье больше, чем два этих человека — «мироворец» Обама и «лгунишка» Керри. Буш-младший хоть и объявил Иран частью «оси зла», но дальше слов дело не пошло. «Неистовый Биби» Нетаньяху хоть и дал серию гастролой по миру, истеря и пророча о приближающемся конце света из-за иранской атомной бомбы, которая вот-вот, со дня на день появится, но особых успехов не снискал. А вот эта «сладкая парочка», Обама и Керри, этакий политический «твикс — два в одном», сами себя пристроили на наковальню, где собственно наковальня — общественное мнение США, а в качестве молота выступают «ястребы» из Конгресса и политических лабиринтов Вашингтона.

61% американцев считают необходимым заключение соглашения с Ираном в обмен на обязательства Тегерана ограничить обогащение урана и согласиться на международный контроль за собственной ядерной программой. Таковы результаты опроса общественного мнения, проведенного в конце июня. Фактически, это сигнал американскому истеблишменту накануне выборов в Конгресс — «политика санкционного давления на Тегеран, проводимая Обамой и Керри, провалилась, пора договариваться».

О провале санкций, которые США и принимали в одностороннем порядке и заставляли принимать остальной мир, говорится и в докладе «Теря миллиарды», подготовленном Национальном ирано-американском советом (США). Санкции против Ирана обошлись в период с 1995 по 2012 годы американской экономике от \$134 до \$175,3 миллиардов, которые могли быть получены в результате нормальных экономических связей между двумя странами. От 51 043 до 66 436 рабочих мест могло бы возникнуть в США, если бы не «упертость» политиков из Вашингтона, считавших, что с Исламской республикой можно разговаривать только с позиции силы, шантажа и санкционного давления.

Сирийский, украинский, иракский кризисы, провалы в Афганистане, Египте и Ливии — черная полоса для внешней политики нынешней американской администрации не заканчивается. И сегодня Обама и его верному Керри, к тому же на фоне резкого обострения с Россией, нужно срочно предъявить что-то, похожее на внешнеполитический успех, а поэтому Белый дом, попавший в вилку между окончательной утратой авторитета и

общественным запросом на внешнеполитический успех Америки, просто вынужден сейчас будет уговаривать Конгресс пойти на подписание соглашений с Ираном.

Дискуссия в Тегеране

Специальный советник президента Хасана Роухани Хусейн Ферейдун, участвовавший в переговорах, также вылетел из Вены в Тегеран для специального доклада о перспективах заключения соглашения, поскольку и эти перспективы, и их последствия будут изучаться в Тегеране с максимальной тщательностью. Снятие санкций было одним из основных пунктов избирательной программы Хасана Роухани на прошлогодних выборах, и своей победе на них он во многом обязан именно тому, что иранцы поверили в его возможность снизить накал противостояния с Западом. Не будет преувеличением сказать, что и Хасан Роухани, и Джавад Зариф поставили на исход этих переговоров свою политическую репутацию, демонстрируя на переговорах верх искусства дипломатической игры.

Запад прекрасно осознавал, как много значат для Хасана Рухани и Джавада Зарифа эти переговоры, а потому, в привычной для себя манере, не удержался от того, чтобы проверить иранскую сторону «на прочность», потребовав включить в перечень обсуждаемых тем еще и ракетную программу Тегерана. Но и этот острый момент иранские переговорщики сумели обойти, доказав очевидную несостоятельность этого требования.

Однако, сложность в принятии решения по заключению итоговых соглашений для иранской стороны заключается отнюдь не в атаках Запада, которые для иранцев — дело насквозь привычное, а в границах уступок и их целесообразности. Весь год, пока шли переговоры, и администрация Хасана Роухани, и делегация во главе с Джавадом Зарифом подвергались серьезной критике внутри страны, в первую очередь, со стороны тех, кого принято считать консерваторами. Накал этой критики был настолько высок, что Духовный лидер Ирана Али Хаменеи выступил со специальным заявлением, в котором подчеркнул, что хотя он и достаточно скептически относится к возможности полного снятия санкций, но, тем не менее, иранские переговорщики, работающие в этом направлении, являются «верными сынами Ирана и работают на благо страны».

Собственно, наличие этой, порою весьма жесткой дискуссии, является доказательством того, что Иран — вполне демократическое государство, в котором существует и свобода слова, и свобода печати. Но сейчас речь не об этом. Наличие данной дискуссии и на Западе, и в России пытались преподнести как реакционность и экстремизм иранских консерваторов, как доказательство того, что с ними невозможно договариваться. Но так ли это?

Необходимость диалога между Тегераном и Вашингтоном сегодня понимают все. Иранские консерваторы — люди крайне прагматичные. Поэтому главной причиной их настороженности в отношении диалога с США является не сам диалог, а именно упомянутые выше его границы, допустимый уровень уступок. Нормализация ради нормализации в стиле «а-ля Горбачев» для них совершенно неприемлема. При всей тяжести режима «калечащих санкций» к коллапсу иранской экономики они не привели, стабильности

иранского общества не разрушили. По факту — Исламская республика в необъявленной войне, развязанной против нее международной антииранской коалицией, выстояла. Поэтому консерваторы вполне логично считают, что речь должна идти не об односторонних уступках, что пытался продать все это время Запад во главе с США, а о взаимных договоренностях и гарантиях.

Понимание этого внутривластного нюанса продемонстрировал и Джавад Зариф, который на встрече с прессой 14 июля еще раз подчеркнул, что «доверие», к которому стремятся на проходящих в Вене переговорах стороны, «является улицей с двусторонним движением», а, следовательно, никто не должен считать, что Иран пойдет на односторонние уступки в ущерб собственному суверенитету и национальной безопасности. Сегодня Тегеран готов к подписанию соглашения о гарантиях мирного характера своей ядерной программы. По сообщениям источника в иранской делегации, готовность основного текста составляет от 50 до 60%. Но в Тегеране понимают, что время работает на Иран, а потому не допустят ни выдвижения новых условий, ни внесения в текст дополнительных требований.

Комментируя паузу в Вене, российский замминистра Сергей Рябков отметил, что «общее мнение такое, что для разработки договоренности требуется дополнительное время. Причем не несколько дней. Я ожидаю, что продление переговоров не ограничится даже и несколькими неделями». Но главная причина все же не в технических согласованиях и политических решениях Тегерана и Вашингтона. Пауза в венском отеле «Кобург» вызвана в первую очередь амбициозностью Керри, взявшемуся вести переговоры в одиночку, без Сергея Лаврова. Внешнеполитические провалы ни Обаму, ни Керри ничему так и не научили. Даже находясь между молотом и наковальней, они пытаются сохранить репутацию верховных арбитров и вершителей судеб мира. Что ж, значит точку на последней странице соглашения будут ставить Москва и Тегеран.

Владимир Алексеев

О вступлении Ирана в ШОС и в БРИКС

В нынешнем многополярном мире даже очень крупной мировой державе трудно проводить эффективную внешнюю политику и обеспечивать свои национальные интересы, будь то политические, военные или экономические, без опоры на дружественные страны или просто партнеров. Причем, как правило, речь идет не только о двустороннем взаимодействии, но и об участии в глобальных и региональных организациях. И уж тем более это актуально для региональных держав, одной из которых является Иран. Особенно на нынешнем этапе, когда украинский кризис и «арабские революции» создали совершенно новые международные реалии, а США отчаянно пытаются сохранить за собой роль мирового гегемона, международного жандарма и главного «защитника» демократии.

Действуя грубо, зачастую прибегая к военной силе и шантажу, навязывая свои ценности и свое мнение, Вашингтон фактически за короткий срок вернул мир к состоянию «холодной войны» и конфронтации во всех сферах. Американцы пытаются сделать односторонние санкции, вводимые в обход СБ ООН, инструментом подчинения себе тех государств, которые не хотят следовать в фарватере американской политики. Именно поэтому для Ирана чрезвычайно важно найти свое место в существующих международных и региональных структурах безопасности и сотрудничества, окружив себя партнерами и союзниками на основе общности интересов и взаимном уважении. Тем более что Тегеран стоит на пороге снятия международных финансово-экономических санкций, введенных по инициативе США западными странами через Совет Безопасности. Ирану нужно определиться, с кем идти дальше, чтобы вновь не оказаться в изоляции. Ведь до сих пор, помимо членства в ООН, ОИС, и малоэффективной ОЭС, ИРИ не состоит в других глобальных и региональных союзах и альянсах.

Надо преобразовать ССАГПЗ в ССГПЗ

Конечно, идеальным для Ирана, как, впрочем, и для Ирака, было бы вступление в ССАГПЗ (Совет сотрудничества арабских стран Персидского залива), который сейчас объединяет 6 арабских государств Персидского залива. И тогда бы этот Совет превратился в полноценную региональную структуру, обеспечивающую мир, безопасность и сотрудничество в этом регионе, а не служащую инструментом реализации региональных амбиций преимущест-

венно Саудовской Аравии, которая видит в ИРИ своего главного соперника и конкурента. Тогда бы произошла трансформация ССАГПЗ в своего рода ОБСЕ для стран Персидского залива с возможным подключением к организации в качестве наблюдателей или ассоциированных членов важных внешних игроков, таких как Россия, США, КНР, Индия, Германия, Франция и Великобритания. Но это на данном этапе совершенно нереально, учитывая антииранскую направленность ССАГПЗ и его опору в сфере безопасности исключительно на США.

Шиитская ось — тупиковый вариант

Есть другой вариант — формирование оси шиитских стран в составе Ирана, Ирака и Сирии. Но этот путь в долгосрочном плане является тупиковым, так как любые союзы на конфессиональной основе обречены на неудачу. Хотя в краткосрочном плане, как это происходит сейчас, когда необходимо отражать вооруженное наступление радикальных суннитских формирований типа ИГИЛ при их поддержке внешними силами, такой союз, прежде всего в плане военного и разведывательного взаимодействия, вполне оправдан. Тем более что по объективным причинам «шиитской дуге» симпатизируют Россия и Китай, не заинтересованные в победе террористов и экстремистов в Сирии и Ираке.

В этой связи, как представляется, Тегерану можно было бы использовать уже действующие организации, в которые входят страны, стремящиеся противостоять агрессивному курсу США в сферах своего традиционного влияния и развивать многоплановое торгово-экономическое сотрудничество перед лицом доминирования западных финансовых структур типа МВФ и МБРР, где командует Вашингтон. Речь идет в первую очередь о ШОС и БРИКС. Ведь не вступать же ИРИ в НАТО? Тем более что там Иран никто не ждет, а мощных прозападных соперников в регионе хватает — прежде всего в лице Турции и Саудовской Аравии.

Членство Ирана в ШОС кардинально изменит ее политический вес

Участие в ШОС в качестве полноправного члена, а не наблюдателя, отвечает целям региональной политики Ирана. Это будет способствовать повышению экономического потенциала ИРИ, в том числе через превращение этой страны в энергетический и транспортный центр региона. Иран имеет для этого удачное географическое местоположение, богатые природные ресурсы, особенно нефтяные и газовые, опыт перевода экономики на рыночные основы с сохранением системы социальной защиты населения. Более сомнительным является выдвижение ядерной программы в качестве национальной задачи. Конечно, реализация ядерной программы усиливает авторитет и влияние Ирана в регионе, но и усиливает уязвимость ИРИ, так как является поводом для вмешательства в дела самого Ирана, нажима на сотрудничающие с ним страны. Тем более, что уже давно очевидно — главной целью США в отношении Ирана является не его ядерная программа, а смена существующего там режима. Вашингтон будет использовать нормализацию отношений с Тегераном и снятие с него санкций для укрепления позиций иранских прозападных

либералов с целью организации затем «цветной революции» в Иране. Реализация этого «проекта» облегчается не только тем, что в стране существует оппозиция, но и наличием пестрой этнической структурой населения, что усиливает опасность развития сепаратистских движений. Поощрение таких движений извне может привести не только к смене режима, но и распаду страны. В решении этой проблемы именно Россия и Китай, являющиеся тяжеловесами ШОС, способны оказать необходимую поддержку ИРИ, так как они сами являются в долгосрочном плане целями США в плане «цветных революций» и разжигания религиозно-этнической розни, и имеют опыт противодействия такого рода американским замыслам.

В свою очередь, участие Ирана в ШОС может оказаться продуктивным для ее отношений с исламским миром, прежде всего через ОИС, а также благодаря связям Тегерана с исламскими организациями, действующими в разных странах. Опыт прошедшего десятилетия достаточно отчетливо показал, что воздействия Ирана на ситуацию в регионах в основном имело стабилизирующий характер. Тегеран неоднократно демонстрировал свою способность и готовность конструктивно участвовать в урегулировании региональных конфликтов. Особенно полезным для стран ШОС может оказаться использование экономического потенциала Ирана, прежде всего для укрепления коллективной энергетической безопасности. ИРИ располагает нефтью (четвертое место в мире), газом (второе место в мире). Имеет развитую в регионе сеть железных и шоссейных дорог, которая связана с большинством стран-членов ШОС. В последние годы активно ведется модернизация портов, особенно в Персидском заливе. Да и в целом Иран занимает стратегически важное географическое положение на стыке путей с Запада на Восток, из Южной Азии в Европу. А в области безопасности Иран имеет богатейший и бесценный опыт в борьбе с наркотиками и наркотрафиком из Афганистана. Кроме того, присутствие Ирана в ШОС в качестве полноправного члена может усилить организацию в плане противостояния амбициям США на Ближнем и Среднем Востоке, в зоне Персидского залива, в Аравии, Закавказье и в Центральной Азии. Иранское участие в организации может эффективно использоваться странами ШОС и в качестве средства давления на США. Присутствие Ирана в ШОС усиливает исламскую составляющую Организации и может стать фактором продвижения интересов России и КНР в исламском мире и ОИС, где пока преобладает влияние консервативного блока арабских стран во главе с Саудовской Аравией.

Наиболее болезненный вопрос для роли Ирана в ШОС — его ядерная программа. Однако это прежде всего головная боль главным образом для США и Израиля, а не для ШОС, члены которой (из наблюдателей только Иран, кстати, как и члены ШОС) являются участником ДНЯО. В любом случае, Россия и государства ШОС заинтересованы в том, чтобы не допустить военного вмешательства в Иран под предлогом ликвидации его ядерной программы. Для Москвы в ее стремлении не допустить военного варианта против ИРИ преобладают не столько экономические соображения, сколько стремление избежать регионального конфликта. Угроза развития национальных сепаратистских движений в Иране с достаточно высокой долей вероятности приведет к их развитию практически во всех странах ШОС, в т. ч. в России. У Китая, конечно, преобладает заинтересованность в Иране как в источнике энергоресурсов.

Следует признать, что в условиях исламского правления в Иране России худо или бедно удалось найти во взаимоотношениях с ИРИ необходимый баланс, при котором соблюдены политические и экономические интересы РФ. Но сейчас, прямо на наших глазах ситуация резко меняется. Вашингтон стремится использовать переговоры с Тегераном для вытеснения из ИРИ России и КНР. Поэтому Москве и Пекину нужно четко понять, что в случае изменения характера власти в Иране и усиления в нем позиций США, российские и китайские интересы в ИРИ могут быть значительно потеснены. Поэтому настало время найти новые формы сближения с Тегераном, не только с помощью механизма двустороннего сотрудничества, но и путем принятия Ирана полноценным членом ШОС.

БРИКС с Ираном станет реальным противовесом G7

Если ШОС важен Ирану с точки зрения регионального сотрудничества, то на глобальном уровне его потребностям отвечало бы вступление в БРИКС — своего рода противовес «большой семерке». Пока что с формальной точки зрения этому мешает наличие санкций, введенных ООН. Но это препятствие скорее всего в ближайшее время будет устранено. Другое дело — отношение к присоединению ИРИ к этому союзу стран с быстро развивающимися экономиками самих его участников. До сих пор никто из них серьезно не поднимал вопроса о включении Тегерана в БРИКС. Хотя сами иранцы заявили о своем намерении сделать это еще в октябре 2013 года. «Расширение БРИКС, включая принятие новых членов, — вопрос этот не стоит на повестке дня», — сказал тогда представитель России Сергей Сторчак, комментируя желание Ирана присоединиться к клубу. Объясняя такой подход, в частности, он отметил, что сейчас БРИКС работает над созданием банка развития и резервного пула валют.

Однако в связи с изменением глобальной ситуации вследствие конфликта на Украине и «цветных революций» на Ближнем Востоке, возможно, стоило бы вернуться к заявленному стремлению Тегерана. Тем более что в экономической составляющей БРИКС на саммите этой организации в Бразилии 15 июля с.г. произошло то, о чем говорил Сергей Сторчак — созданы как банк развития, так пул валют. Уставной капитал банка развития составит 50 миллиардов долларов. Каждая страна внесет одну пятую часть. Задуманное как альтернатива Всемирному банку, это финансовое учреждение, по сообщению дипломатических источников, разместится в Шанхае, а руководить им на первом этапе будет представитель Бразилии. Банк займется в первую очередь финансированием инфраструктурных проектах в странах-членах, а впоследствии станет предоставлять займы другим развивающимся странам, не входящим в БРИКС. Что касается пула валютных резервов, то, выступая как конкурент МВФ, он будет предоставлять своим членам стабилизационные кредиты для выравнивания их торговых балансов, а также для отражения атак спекулянтов на их национальные валюты. Капитал валютного пула будет составлять 100 миллиардов долларов, из которых 41 миллиард внесет Китай, по 18 миллиардов Россия, Бразилия и Индия, и оставшиеся 5 миллиардов предоставит Южно-Африканская Республика.

Так что Иран вполне мог бы присоединиться к этим договоренностям после снятия с него санкций. Тем более что инвестиции БРИКС в иранскую эконо-

мику, прежде всего в сектор углеводородов, и создание Южного транспортного коридора существенно укрепили бы не только экономический потенциал ИРИ, но и повысили бы роль БРИКС в мировой экономике, в том числе на глобальном рынке углеводородов, ослабив при этом влияние Запада на происходящие в глобальной экономике процессы.

Став членом БРИКС, Тегеран существенно укрепил бы и свои политические позиции в системе международных отношений, учитывая возрастающую роль этого клуба в принятии решений стратегического плана. При этом выгода была бы взаимной — находясь в центре Ближнего и Среднего Востока ИРИ обеспечила бы БРИКС ключевое место в этом регионе. А голос Тегерана в мировых делах зазвучал бы значительно громче. Кроме того, вступление Ирана в эту организацию обеспечило бы ей наличие в ее рядах пока отсутствующего звена — влиятельного представителя исламского мира.

Конечно, все это на сегодня может показаться далекой перспективой, особенно то, что касается БРИКС. Хотя в реальности многое будет зависеть от наличия политической воли обеих сторон — Ирана и вышеупомянутых организаций. Видимо, Тегерану нужно действовать более активно и настойчиво. Ведь в первую очередь именно иранцы выиграют от этого. Тем более, что на вступление в ШОС и в БРИКС есть много претендентов, сравнимых по своему весу и потенциалу с ИРИ (Индонезия, Малайзия, Аргентина, Египет). Мир устал от американского диктата и хочет жить по нормам международного права, а не по понятиям Белого Дома. И сейчас самое время запускать процесс коллективного противодействия агрессивной линии США, которые отчаянно цепляются за остатки былого могущества.

Максим Иванов

О переносе выходного дня с четверга на субботу в Иране

Практически во всем мире выходными днями являются суббота и воскресенье, а в Исламской Республике Иран, как и в некоторых странах мусульманского Востока, таковыми являются четверг и пятница. Вроде бы — мелочь, вроде бы — национальная и конфессиональная специфика, но цена этой «мелочи» составляет, ни много, ни мало, а сотни миллиардов долларов ежегодно из-за несовпадения графика работы бирж, финансово-банковской системы, таможни, государственных структур, бизнеса и деловых кругов Ирана с мировым сообществом. Самое страшное, несмотря на все реформы правительства, самые активные его усилия по развитию экономики и повышению благосостояния иранского народа, нынешний календарь сохраняет и, более того, увеличивает экономическое и технологическое отставание Ирана все больше и больше. Но вопрос о реформе иранского календаря находится не в плоскости «менять или не менять», а гораздо серьезнее: в выборе между устоявшимися традициями и экономической выгодой.

Иранский календарь: немного истории

В основу нынешнего иранского летоисчисления был положен календарь, разработанный при дворе султана Джалал ад-Дина Малик-шаха в 1079 году. Кстати, участие в работе над ним принял выдающийся иранский математик и астроном Омар Хаям, более известный широкой публике как автор бессмертных рубаи. Новшество этого календаря на тот момент состояло в том, что он был солнечным, в то время, как по всему мусульманскому миру использовался лунный. И год в иранском календаре начинался не с хиджры — годовщины переселения первых мусульман из Мекки в Медину, а с Новруза — древнеперсидского нового года, дня весеннего равноденствия. В определенной мере Малик-шах восстановил древнеперсидскую традицию солнечного календаря, введенную в империи Ахеменидов по египетскому примеру. Правда, реформа эта явилась не стремлением к сохранению традиция, а была вызвана сугубо прагматическими соображениями — месяцы лунного календаря не соответствовали сельскохозяйственному циклам, и, таким образом, он создавал массу неудобств для аграрного государства.

После завоевания Персии монголами в стране был введен еще один календарь — модный в наше время двенадцатилетний «животный» цикл. Симбиоз этого цикла и прежнего календаря Джелали был утвержден в Иране в 1911 году — после революции 1905–1911 гг. Впрочем, уже в 1925 году, после переворота Резы Пехлеви, в стране ввели упрощенный вариант календаря Джелал ад-Дина Малик-шаха, который стал именоваться Солнечной хиджрой, дошедшей до наших дней. Сейчас иранский год состоит из 6 месяцев — по 31 дней, 5 месяцев — по 30 дней, и 1 месяца — 29 (в високосные годы — 30) дней.

Рабочая неделя и религия

Рабочая неделя в Иране выстроена по мусульманской религиозной традиции. Пятница в исламском мире является днем коллективной молитвы — Джума, поэтому именно этот день обычно является выходным в большинстве мусульманских государств. Примечательно, однако, что в ряде арабских стран выходным днем, вместо четверга является суббота — так построена рабочая неделя в Сирии, Египте, Объединенных Арабских Эмиратах и некоторых других странах. Это, с одной стороны, не нарушает религиозной традиции, так как в пятницу население все-таки не работает, а с другой — хотя бы частично соответствует европейскому и мировому порядку, что делает двусторонние контакты и взаимодействие более эффективными.

Стоит отметить, что Европа и Запад свои выходные дни также получили благодаря христианской религиозной традиции — день воскресной службы логично превратился в день отдыха. Что касается второго выходного, то за него в Европе и на Западе боролись на протяжении всего 19 и значительной части 20 столетия: профсоюзам в большинстве европейских стран лишь к середине прошлого века удалось добиться наличия двух официальных выходных дней.

Практически Европа и остальной мир жили и продолжают жить по такому рабочему календарю. При этом страны Ближнего Востока, коммуникации которых с Западом всегда были затруднены, а собственная религиозная традиция — не менее сильной, чем христианская, остались верны собственному порядку. Джума оказалась днем отдыха у шиитов и суннитов, у арабов и персов, у афганцев и берберов. Впрочем, и в мусульманском мире всегда имелись группы, имеющие собственные традиции работы и отдыха, отправления религиозных праздников. К примеру, евреи, жившие на мусульманских землях, издревле почитали субботний день, а христиане, как и на Западе — воскресный. Однако правительства ближневосточных стран, даже светских, являлись и являются мусульманскими, так же как и большинство их населения, что и предопределило выбор графика рабочей недели соответствующим требованиям ислама.

Потери Ирана из-за выходных

Но если раньше в условиях автономного развития разных частей мира, стран и даже отдельных регионов такие мелкие и частные моменты не представляли большой важности, то в условиях глобализации и интег-

рации экономик и финансовых систем разница в рабочих и выходных днях между Ираном и остальным миром, живущим по графику «суббота-воскресенье», сказывается на состоянии их экономических отношений. Исламская Республика, как уже было сказано выше, на целых четыре дня выбивается из глобальной деловой среды. Это ведет к хроническому отставанию в деловом ритме и влечет за собой миллиардные финансовые потери. К примеру, такой порядок всерьез затрудняет контакты ИРИ с мировыми деловыми центрами, финансовыми институтами и биржами, с государственным сектором. В результате, теряется до 60% деловых контактов, сильно тормозится любая активность. Есть и психологический фактор — чисто человеческое раздражение партнеров (иранских и западных), которым попросту неудобно вести бизнес и деловые отношения в подобных условиях. Есть основания полагать, что в случае снятия санкций с Исламской Республики данный вопрос станет еще более актуальным. Уже сейчас деловые контакты ИРИ с Европой и США постепенно активизируются, и вряд ли такое препятствие как четыре «несинхронизируемых дня» поспособствует налаживанию столь нужных обеим сторонам связей.

Цена вопроса — 120 млрд долл. ежегодно в случае переноса одного выходного дня

На сегодня существует два варианта для изменения ситуации. Первый — перейти на европейский и общемировой календарь, сделать четверг и пятницу рабочими, а субботу и воскресенье выходными, как и везде. Вне сомнения, переход сразу к подобному порядку для Ирана, являющемуся в дополнение ко всему прочему Исламской Республикой, вряд ли возможен. Подобная мера не только, мягко говоря, не будет соответствовать религиозным нормам, но и, скорее всего, не получит поддержки привыкшего к установленному порядку населения. Естественным и сильным противником такой реформы станет духовенство, которое вполне справедливо увидит в подобной реформе «отход от исламских традиций», пусть даже некоторые мусульманские страны уже многие годы пользуются европейской, а по сути мировой «системой координат» в данном вопросе. Турция, например, с 1924 года вместе с алфавитом, одеждой и отношением к религии сменила и выходные дни. Кроме того, суббота и воскресенье являются нерабочими во всех мусульманских государствах постсоветского пространства.

Второй вариант, более щадящий и компромиссный вариант, — перенос только одного выходного дня с четверга на субботу, при этом пятница сохранила бы свой сакральный статус. В этом есть сильнейший резон, тем более, как мы уже упоминали ранее, суббота является выходным днем в целом ряде мусульманских государств. Пользу переноса выходного с четверга на субботу переоценить трудно: потери в деловой активности сократятся в этом случае как минимум на 20%, что станет колоссальным позитивным фактором для иранской экономики и иранского общества. Если за точку отсчета условно принять ВВП ИРИ на уровне 600 млрд долл. в год, то чистые доходы от такого нововведения могут составить не менее 120 млрд долл. ежегодно.

Кроме прочего, возрастет экономическая мобилизованность населения Исламской Республики, а за счет капитализации совокупного жизненного времени выигрыш экономики должен быть значительно больше названных 20%. Только увеличение количества услуг, благодаря новому выходному дню, способно стать важным фактором роста производства в этой сфере. Впрочем, в таком случае некоторые затруднения могут появиться в развитии экономических отношений с такими государствами, как Алжир, Саудовская Аравия и некоторые другие мусульманские государства, однако эти страны являются, мягко говоря, не самыми значимыми деловыми партнерами Исламской Республики, потому потери от такого затруднения будут по сравнению с упомянутой выгодой просто ничтожными. Чтобы нивелировать последствия, скорее психологические, такого шага для иранского общества, на первых порах, возможно, имеет смысл сделать четверг в качестве сокращенного рабочего дня, скажем до 16 часов. Можно принять решение о переносе одного выходного пока временно, скажем на три года. По итогам этих трех лет, если результаты будут не утешительными, тогда можно будет вернуться к старым правилам.

Несмотря на некоторую экстравагантность подобных мер, очевидна не только их польза. Ведь, как было сказано выше, сохранение действующей в настоящее время рабочей недели способствует отставанию экономики Ирана от ведущих экономик мира. В условиях технической невозможности осуществления более половины деловых контактов иного результата и быть не может. Перенос выходных дней — это далеко не мелочь, ведь именно с изменений в календаре, приведения его в соответствие с потребностями времени, начинались великие перемены при Юлии Цезаре в Древнем Риме, при Петре Первом в России и при Малик-шахе в самом Иране.

Пусть не сегодня и не сейчас, но экономическое развитие Ирана поставит перед руководством страны вопрос об изменениях в иранском рабочем календаре. Возможно, пришло время, когда новому кабинету министров Ирана во главе с президентом Хасаном Роухани или иранскому Меджлису стоить учредить Специальную комиссию по изучению данного вопроса. Разумеется, все решения по столь серьезной проблеме должны приниматься исключительно на общенародном референдуме. И, кстати, исход данного референдума отнюдь не очевиден. Перед нами — ситуация сложного выбора, где на одной стороне перенос выходного дня с четверга на субботу принесет стране ежегодно выгоду в два-три раза больше чем от продажи иранской нефти и газа и продукции нефтехимии вместе взятых, а на другой — верность традициям и идеалам, менталитет и принципы. Реформа календаря может стать важным шагом Исламской Республики в ее экономической интеграции с ведущими странами мира, решительной мерой сокращения и преодоления отставания от них. И, в конечном итоге, она приведет к повышению уровня жизни и благосостояния иранского народа. Как бы там ни было, вопрос о готовности иранского общества к такой реформе остается открытым, и выбор между традицией и экономическими выгодами также далеко не предрешен.

Владимир Ефимов

России пора выйти из режима антииранских санкций

Заседание Совета Безопасности Российской Федерации 22 июля сего года, посвященное теме суверенитета России и ее территориальной целостности, стало во многом поворотным пунктом во внешней и оборонной политике России. Ведь из высказываний российского президента становится ясно, что Москва готовится к жесткой конфронтации с Западом, как минимум, и к отражению силой вооруженных провокаций НАТО и ее украинских марионеток, как максимум. По словам Владимира Путина, кризис отношений России и Запада вышел на принципиально новый уровень, где трагедия с малайзийским самолетом становится лишь одним из его эпизодов.

Можно выделить ряд ключевых сигналов, которые послал российский лидер Западу, всему миру и российскому народу. Сигнал первый: напоминание о том, что Россия — это ядерная держава, а значит следует воздерживаться от бряцания оружием у российских границ. Сигнал второй: давление на Россию — часть политики «холодной войны» против нее. «Сегодня в мире все чаще звучит язык ультиматумов и санкций, а само понятие государственного суверенитета размывается, неугодные режимы, страны, которые проводят независимую политику или просто стоят на пути чьих-то интересов, дестабилизируются. Для этого в ход идут так называемые «цветные» революции, а если называть вещи своими именами, государственные перевороты», — сказал в своем выступлении Владимир Путин. На практике слова президента России означают начало подготовки к реальному снижению зависимости национальной экономики и ее финансовой системы от неблагоприятных внешних факторов, то есть к минимизации всех возможностей влияния извне на Россию и происходящее внутри нее. Сигнал третий: Россия пересматривает свой подход к диалогу с Западом. Новая политика России — это окончательный отказ от попыток договориться с Западом прежде всего о совместной системе безопасности и уход в прочную оборону. Фактически объявлено: Россия теперь сама по себе и более не несет никакой коллективной ответственности. Это означает радикальное изменение в военной политике. А это признак того, что Россия начинает укреплять свой оборонительный потенциал, в том числе как ответ на усиление группировки войск НАТО на территории восточноевропейских государств. Между Россией и Западом разворачивается и настоящая идеологическая

война, в основе которой не только расхождения в понимании ценностей, но и крайне быстрорастущие различия в понимании фундаментальных принципов международного права.

России необходим решительный поворот в сторону Ирана

Кроме того, заседание Совета Безопасности Российской Федерации означало, что теперь Москва будет искать новых союзников, а точнее — партнеров, как в плане противостояния агрессивности Запада, так и укрепления оборонных возможностей перед лицом военной угрозы НАТО. Из источников, близких к участникам заседания, стало известно, что руководство России приняло решение ускоренными темпами укреплять БРИКС в качестве глобального противовеса западным военно-политическим альянсам, а также уделять особое внимание развитию партнерства с Исламской республикой. Последнее имеет особое значение, учитывая большое значение ИРИ в системе безопасности наиболее чувствительного для Запада региона — зоне Персидского залива, служащего, наряду с Россией, основным источником поставок энергоресурсов в ЕС, Японию и другим союзникам Вашингтона. Здесь расположены до 65% мировых запасов нефти и до 40% мировых запасов природного газа. И если России и Ирану удастся выстроить отношения стратегического партнерства во всех сферах, экономике, безопасности, обороне, внешней политике, то тогда Москва и Тегеран вполне смогут навязать Западу свои правила игры, в первую очередь через инструмент поставок углеводородов.

Примечательно, что в нынешних условиях к оси России — Иран вполне может примкнуть еще один важнейший игрок в нефтегазовой сфере — Ирак, который фактически был предан американцами, когда полтора месяца назад боевики радикальной исламистской организации Исламское государство Ирака и Леванты (ИГИЛ) вот-вот могли войти в Багдад, а Барак Обама отклонил настойчивые призывы иракского премьер-министра Нури аль-Малики о помощи. Зато Россия и Иран сразу же пришли на подмогу, в том числе путем оказания прямой военной и военно-технической помощи Багдаду. Это позволило не только снять угрозу падения иракской столицы, но и отбросить боевиков ИГИЛ на север и запад страны, нанеся им непоправимый ущерб в живой силе и боевой технике. Еще один потенциальный участник такого альянса — Сирия, которая на протяжении более трех лет при содействии Москвы, Тегерана и Багдада успешно противостоит внешнему вмешательству со стороны натовско-аравийского союза во главе с США и Саудовской Аравией.

Еще совсем недавно все эти четыре страны были связаны более ограниченными общими целями, связанными с попытками Запада с опорой на финансовые ресурсы аравийских монархий организовать на Ближнем Востоке «цветные революции», либо просто свергнуть неугодные режимы путем прямой или косвенной вооруженной интервенции. Однако сейчас, когда в глобальной системе международных отношений США и их ближайшие союзники пошли на открытое нарушение всех норм международного права и основополагающих принципов Устава ООН, меняется и общая задача — сейчас речь идет уже о срыве открытого наступления Запада и его реги-

ональных приспешников на суверенитет России, Ирана, Ирака и Сирии. И теперь придется использовать другие инструменты и механизмы взаимодействия, более жесткие и формализованные, чем можно было предполагать до сих пор.

России нужно незамедлительно выйти из режима антииранских санкций

С учетом этого Москве придется пересмотреть свой подход к санкционному режиму, введенному США через СБ ООН в отношении Ирана, не говоря уже о санкциях одностороннего плана. Все правовые основания для этого есть — раз США и ЕС вводят против России санкции в обход ООН, то и Россия получила право на выход из антииранских санкций, тоже в обход ООН. Ведь принцип взаимности является основополагающим в международных отношениях. И делать это нужно незамедлительно. Сейчас России как никогда раньше нужен мощный партнер в сфере антисанкционной политики, учитывая, что санкции превратились из международного инструмента мирного воздействия в способ грубого силового давления Запада на те или иные страны, которые не желают подчиняться диктату Вашингтона. Как представляется, самый эффективный метод для этого — незамедлительно объявить о выходе Москвы из всех видов санкционных ограничений, введенных против Тегерана. А после этого приступить к укреплению обороноспособности и экономики ИРИ.

Россия должна укрепить оборонный потенциал Ирана

Чтобы ИРИ стала реальным партнером РФ в противостоянии с Западом, необходимо как можно быстрее поставить Исламской республике самые современные вооружения для иранской армии, способные сорвать любые попытки иностранной агрессии, прежде всего со стороны США. В первую очередь речь идет о наиболее продвинутых системах ПВО, таких как ЗРК «С-300» и «С-400», «Панцирь» и т.д. В Вашингтоне прекрасно понимают, что способность иранцев уничтожить практически все боевые самолеты и ракеты США, дислоцированные в зоне Персидского залива, сведет на «нет» необходимость американского военного присутствия в этом регионе и ослабит позиции Саудовской Аравии, Катар и других союзников США в регионе. Для усиления обороноспособности вооруженных сил ИРИ нужно поставить также значительное количество многоцелевых истребителей МиГ-29 СМТ последней модификации, перехватчиков МиГ-31 (по классификации НАТО Foxhound (лисы гончая) — двухместный сверхзвуковой всепогодный истребитель-перехватчик дальнего радиуса действия), а также тяжелые истребители Су-30 (по классификации НАТО Flanker-C — двухместный многоцелевой истребитель поколения 4+), что полностью нейтрализует поползновения любого потенциального агрессора, нацелившегося на Иран.

Учитывая протяженность иранского побережья и нахождение в Персидском заливе кораблей 5-го флота США с базированием на Бахрейне, было бы целесообразным оказать Ирану содействие в создании надежной системы береговой обороны на базе береговых ракетных комплексов К300 «Бастион», предназначенных для поражения надводных кораблей различ-

ных классов и типов из состава десантных соединений, конвоев, корабельных и авианосных ударных групп, а также одиночных кораблей и наземных радиоконтрастных целей в условиях интенсивного огневого и радиоэлектронного противодействия. Это фактически обезоружит не только весь 5-й флот США, но и флоты других стран Персидского залива, враждебно настроенных к ИРИ. При этом, конечно, стоило бы поставить ВМС Ирана современные надводные и подводные корабли различных классов, а также технически укрепить части морской пехоты, прежде всего за счет их усиления вертолетными группами в составе десантно-транспортных вертолетов и боевых вертолетов КА-29 и КА-52. Все это сделает вторжение в Иран с моря практически невозможным.

Естественно, пора модернизировать и сухопутные силы иранской армии. В первую очередь речь идет о бронетанковых войсках. Здесь Россия могла бы поучаствовать поставками танков Т-90 и бронемашинами БМП-3. Кроме того, эффективность сухопутных войск ИРИ была бы существенно увеличена российскими ПТУРС системы «Корнет», которые безотказно уничтожают на большом расстоянии все танки противника. Естественно, большую роль имело бы и их усиление вертолетами и фронтовой авиацией, прежде всего штурмовиками.

Необходимо масштабное экономическое сотрудничество

Иран мог бы расплачиваться за поставку российских вооружений нефтью и газом, учитывая, что потенциал добычи и экспорта углеводородов в ИРИ практически неограничен. Для этого необходимо, чтобы крупные российские нефтегазовые компании типа Роснефть, Газпром, Новатэк как можно скорее приступили к разработке, добыче и экспорту углеводородов с иранских месторождений, прежде всего Южного Парса, а также созданию в ИРИ крупных мощностей по производству СПГ. Вместе Россия и Иран смогут диктовать ценовую политику на мировом рынке газа, что позволит оказать необходимое давление на ЕС с целью ослабления его зависимости от США. А увеличение добычи нефти в Иране, особенно при параллельном развитии нефтедобычи в Ираке, позволит этим двум странам выйти к 2020 году на уровень экспорта нефти в объеме до 20 млн баррелей в день — вдвое больше, чем у Саудовской Аравии. Это еще один мощный рычаг экономического воздействия на политику Запада.

Еще одно важное направление укрепления экономических позиций РФ и ИРИ — создание Южного транспортного коридора от иранского побережья Аравийского моря до Северной и Северо-Западной Европы через территорию России, что позволит Москве и Тегерану изменить маршруты грузовых перевозок из Европы в Южную Азию и на Дальний Восток. Важно также оказать содействие ИРИ в развитии ее транспортной системы, прежде всего железных дорог, увеличении мощностей выработки электроэнергии, прежде всего за счет строительства новых ядерных энергоблоков. Атомная энергетика — одна из самых перспективных отраслей российско-иранского сотрудничества. Возможно, для этого России стоило бы несколько пересмотреть свои позиции на переговорах «Шестерки» с Тегераном по ядерной программе ИРИ. В условиях, когда Запад вводит дискриминационные меры

в отношении РФ, нет смысла поддерживать явно завышенные требования США и ЕС к Ирану в отношении ограничения его мирной ядерной программы. Заодно это послужило бы Западу хорошим уроком — кто не уважает интересы РФ, тот автоматически теряет право на поддержку с российской стороны по глобальным и региональным вопросам мировой политики.

Есть много других отраслей, где взаимовыгодное сотрудничество Москвы и Тегерана послужило бы целям ослабления воздействия санкций, введенных США и ЕС против обеих стран. Речь идет в первую очередь о финансовом секторе, где пока доминирует доллар. Видимо, настало время переходить либо на временные бартерные сделки, либо расплачиваться национальными валютами, либо ускорять введение единой валюты БРИКС.

Необходимо усиливать внешнеполитическую координацию как на высшем уровне, так и по линии внешнеполитических ведомств для проведения согласованной политики на Ближнем Востоке, в зоне Персидского залива, в Закавказье, в Центральной Азии, в Афганистане и по отношению к глобальным вызовам, включая развязанную США оголтелую конфронтацию в мире. Кроме того, стоит рассмотреть вопрос о повышении уровня председательства в совместной межправкомиссии по торгово-экономическому сотрудничеству с обеих сторон — с нынешнего министерского до вице-премьерского. Также можно задействовать механизм координации в области внешней и оборонной политики, уже апробированный рядом крупных стран (США, Франция) посредством двустороннего комитета министров иностранных дел и обороны, а начать можно с создания Совета сотрудничества высшего уровня между Россией и Ираном по аналогии, например, с уже созданными и успешно действующими российско-турецким и ирано-турецким советами. При этом интересам Москвы отвечало бы скорейшее вхождение ИРИ в ШОС и БРИКС, возможно, создание зоны свободной торговли между Ираном и ЕврАзЭС. Все эти вопросы Владимир Путин может обсудить с президентом Ирана Хасаном Роухани на саммите ШОС в сентябре с.г. в Таджикистане. Только совместными усилиями всех стран, не приемлющих диктат Вашингтона, можно остановить агрессивное наступление Запада на интересы других государств. Настало время для срочных активных действий. И для этого начинать нужно с срочного, просто незамедлительного выхода России из режима антииранских санкций.

Игорь Панкратенко

Израильская агрессия и иранская бомба «Аль-Кудс»

«Израильские вооруженные силы должны получить Нобелевскую премию мира за их «невообразимую сдержанность» при проведении операции в секторе Газа», — заявил на днях посол Израиля в США Рон Дермер. Столь же «невообразимую сдержанность» в отношении политики государственного терроризма Тель-Авива против палестинцев проявляют и масс-медиа, занятые информационной атакой на Россию. Вашингтон традиционно покрывает «неистового» Биби Нетаньяху, практически все страны Европейского Союза поддакивают ему, арабийские монархии, напрочь забыв об идеях справедливости и исламского единства, которые все это время на крови палестинцев плетут собственные интриги, на этот раз открыто встали на защиту Израиля. Но как бы там ни было идеология «Аль-Кудс», провозглашенная аятоллой Хомейни тридцать пять лет назад, все уже не умолимо разрушает «Нерушимый утес» израильской исключительности.

Уже свыше 700 погибших палестинцев, 148 из которых — дети, 15 дней ада бомбежек, обстрелов, разрушений — такова цена, которую платит сегодня Палестина за израильскую «сдержанность». Платит в информационном вакууме, поскольку СМИ «цивилизованного мира» заняты отработкой государственного заказа — нагнетанием антироссийской и антипутинской истерии. Новости из Газы Западу сейчас невыгодны, поскольку отвлекают от главной темы — «как нам наказать Россию», а поэтому подконтрольная масс-медиа топят палестино-израильский конфликт в куче вторичных деталей и подробностей, тщательно маскируя его суть за разговорами о «терроризме ХАМАС», «праве Израиля на самооборону», выяснением, кто первым начал и тому подобном. Но все это, по большому счету, в отношении к кровопролитию в секторе Газа является вторичным, поскольку главная причина конфликта заключается в том, что сначала Израиль согнал более 700 000 палестинцев со своих земель, а затем, спустя полвека борьбы палестинского народа за свою родину, решил «минимизировать» конфликт созданием для них гетто в секторе Газа.

Пресловутое «международное сообщество» в 1993 году заставило ФАТХ и Ясира Арафата согласиться с тем, что максимум, на который палестинцы могут рассчитывать — это возвращение 20% оккупированных территорий.

А после убийства израильскими ультра Ицхака Рабина, подписавшего эти соглашения в Осло, условия вновь поменялись, и при Эхуде Бараке палестинцы получили для собственной автономии 12% территории. Но не от ста, а именно от этих 20%! В этой вопиющей несправедливости — вся правда конфликта, которую Запад пытается скрыть рассуждениями об «экстремистах и террористах».

Палестинцы были загнаны в настоящее гетто, где половина жителей не имела работы, электричество подавалось на несколько часов, питьевая вода была проблемой. Среднемесячный заработок рабочих, прибывающих в Израиль с оккупированных арабских территорий, составляет не более 40–50 процентов заработка «правильного» израильтянина, сектор окружен блок-постами израильской армии. Но и этого израильским ястребам показалось недостаточным — в период с 2004 по 2010 годы у палестинцев было конфисковано 250 квадратных километров земли, на которых построено 223 израильских поселения. Трагедия палестинцев вершилась с молчаливого согласия «цивилизованного мира», прежде всего США. И вот ведь парадокс — чем больше Вашингтон прилагал усилий к политическому решению конфликта, тем наглее становились израильские «ястребы» и, соответственно, обездоленнее становились палестинцы. Радикализм ХАМАС возник не на пустом месте, палестинцев откровенно провоцировали на протест, ища повода для очередных «зачисток».

США: телефонная дипломатия и деньги израильского лобби

Помощник госсекретаря США Энн Паттерсон заявляла, что с начала конфликта Джон Керри шесть раз разговаривал по телефону с министром иностранных дел Катара Халидом Аль-Аттия и даже «хранит его номер в собственном мобильном телефоне». Помогает ли это остановить кровопролитие, когда на конфликте завязаны серьезные деньги? Общий объем американской финансовой помощи Израилю в 2013–2014 годах составил 3,7 миллиарда долларов. Военная помощь Вашингтона составляет четверть израильского военного бюджета, а в разгар агрессии Сенат США принял решение о дополнительном финансировании израильской противоракетной системы «Железный купол» в размере 350 миллионов долларов.

Щедрый поток финансовой помощи привел к возникновению тесного альянса Израиля и американского военно-промышленного комплекса. Согласно договоренностям между Вашингтоном и Тель-Авивом, 75% финансирования, которое получают от своих американских покровителей израильтяне, они должны тратить на закупки именно американских вооружений — такой вот кругооборот денег в природе: правительство США — Тель-Авив — американские корпорации. Бульдозеры Caterpillar сносят дома палестинцев, ракеты «Хелфайр» от корпорации Lockheed Martin обрушиваются на них с воздуха, а информационные системы от Hewlett Packard обеспечивают целеуказание.

Естественно, что для этого симбиоза любые военные операции Израиля — сущая манна небесная, а потому военно-промышленное лобби США всячески поддерживает свое правительство, когда оно на международной арене делает все для «крышевания» агрессии Тель-Авива в отношении соседей.

В режиме безнаказанности и фактическом «выпадении» из международного правового поля, который создали для Израиля США и их союзники, Тель-Авив может заниматься разжиганием конфликтов сколько угодно долго, получая в обмен гарантии безопасности и внушительные экономические и финансовые бонусы.

Если уж британский премьер Дэвид Кэмерон публично заявляет о том, что «враги Израиля являются моими врагами. Угроза Израилю является угрозой всем нам», то цитировать аналогичные высказывания американских политиков никакого места не хватит. Достаточно будет того, что с 1972 года США наложили 44 вето на резолюции Совета Безопасности ООН, осуждающих Израиль.

Еще один аспект американской поддержки Тель-Авива — финансирование Израиля через широкую сеть некоммерческих и неправительственных организаций, которые на территории США ведут сбор средств для поддержки израильской армии и создания поселений на оккупированных арабских территориях. В Америке активно работает организация *Noneti*, главной задачей которых является «духовная и финансовая» поддержка израильтян, обвиняемых или осужденных за насилие в отношении палестинцев. В списке тех, кого *Noneti* уже поддержала, — убийца израильского премьера Ицхака Рабина Игаль Амир, а также израильский солдат, расстрелявший семь палестинцев на автобусной остановке. Только одна организация, «Центральный фонд Израиля», получила в 2012 году пожертвований на 16 миллионов долларов, а в 2013 эта сумма выросла еще на три миллиона. Что значат какие-то телефонные звонки Керри в сравнении с десятками миллионов израильского лобби и заинтересованностью американских корпораций в агрессивной политике Израиля? Вашингтон — соучастник всех израильских преступлений, а потому декларации Белого дома — лишь политическое лицемерие «лгунишки» Керри.

Псевдозащитники и иранская бомба «Аль-Кудс» для Израиля

Соглашения саудитов и израильского руководства по «палестинскому вопросу» ни для кого не являются секретом. Собственно, так же, как и стремление Катара выжать максимальный политический гешефт из игры, которую он ведет с руководством ХАМАС. Стремление аравийских монархий использовать палестинцев в качестве «разменных пешек» — дело давнее и привычное. Но если раньше оно хоть как-то маскировалось, то теперь отброшен даже минимум приличий. Буквально неделю назад стало известно, что руководство Арабских Эмиратов было в курсе готовящейся израильской операции в Газе и даже согласилось частично профинансировать издержки Тель-Авива, при условии, что организация ХАМАС в ходе этой операции будет ликвидирована или, как минимум, понесет невосполнимые потери, после которых перестанет существовать как военно-политический фактор на Ближнем Востоке. В конце июня переговоры на эту тему провел министр иностранных дел ОАЭ шейх Абдулла бин Заид Аль Нахайян и его израильский коллега Авигдор Либерман. О достигнутого в ходе встречи договоренностях стороны поставили в известность Джона Керри. А буквально за день до начала операции шейх Абдулла через своего советника

по безопасности Мохамеда Дахлана, бывшего члена палестинской ФАТХ, еще раз подтвердил израильтянам свою готовность выполнить обязательства Эмиратов по этой сделке.

Операция израильской армии «Несокрушимый утес», американская «крыша» Тель-Авива, финансовые возможности аравийских монархий и огромная пропагандистская машина Запада — что может противостоять этой силе? Короткая, в несколько предложений фетва имама Хомейни, изданная 35 лет назад и положившая начало идеологии «Аль-Кудс», идеологии справедливого решения палестинского вопроса. Ежегодно последняя пятница священного месяца Рамадан была провозглашена в этой фетве днем международной солидарности мусульман в поддержку законных прав палестинского народа. Одним из первых шагов Исламской республики на международной арене был разрыв дипотношений с Израилем, и организация дипломатического представительства Палестины в Тегеране. По сути, лишь одним этим шагом и одной своей фетвой великий аятолла Хомейни сделал для палестинского народа больше, чем сонм его «защитников» за полвека после оккупации Израилем палестинских земель.

Идеология «Аль-Кудс», провозглашенная лидером Исламской революции, объединила шиитов и суннитов, оказалась выше различий в мазхабах. Более того, идеология «Аль-Кудс», основанная на справедливости, нашла сторонников и на Западе, и, как ни парадоксально, в еврейском народе. И когда свыше 1,2 миллиона человек по всему миру подписывают петицию, в которой содержится требование к ключевым банкам, пенсионным фондам и компаниям прекратить финансирование проектов, связанных со строительством еврейских поселений на оккупированных палестинских территориях — это тоже торжество идеи «Аль-Кудс», провозглашенной иранским лидером. Но объединяя людей, идеология «Аль-Кудс» стала своеобразной границей, поделившей мир на тех, кто действительно, не на словах, а на деле является сторонниками справедливого устройства на Ближнем Востоке, а кто под разговоры о «политическом урегулировании» протаскивает геополитические машины. По большому счету, идеология, предложенная аятоллой Хомейни, стала настоящей философской бомбой, тем оружием, перед которым оказалась бессильна консолидированная мощь западных агрессоров и их «непотопляемых авианосцев» — Тель-Авива и Эр-Рияда — в регионе.

В западной прессе пишут, что «Нетаньяху, страстный любитель Черчилля, часто ссылается на него в своих речах, призывая народ оставаться единым и биться до полного истребления ХАМАС». Небольшое уточнение — «биться до полного истребления палестинцев». В секторе Газа бьются не просто люди — бьются между собой две идеи: «Великого Израиля», построенного на национальной исключительности и угнетении по национальному признаку. И идея «Аль-Кудс», идея справедливости и равенства. Израильские ястребы, которые, не нужно об этом забывать, далеко не весь еврейский народ, в этот раз победят. Но победа их в исторической перспективе будет лишь временной отсрочкой перед неизбежным поражением перед идеологией справедливости, предложенной великим иранским аятоллой Хомейни.

Николай Бобкин

Иран снова прошел американский «дедлайн»

Очередной «дедлайн» для Исламской Республики остался позади. На переговорах «шестерки» с Ираном объявлен перерыв. Место, точная дата и формат проведения следующего этапа переговоров пока не согласованы. Обязательства сторон до 20 июля договориться о снятии экономических санкций с Ирана в обмен на гарантии мирного характера его ядерной программы не выполнены.

Следующая встреча переговорщиков ожидается в августе, окончательное соглашение должно быть выработано не позднее 24 ноября 2014 года. На этот день и переносится «красная черта», за которой мы станем свидетелями или редкого в наши дни триумфа здравого смысла политиков ведущих стран мира, или снова убедимся в непоколебимости однополярного мира, где всем правит Америка.

Джон Керри: шансов на компромисс с Ираном мало

Американцы от Ирана фактически требуют сложить оружие и отдаться на милость США и его союзников. Подобный сценарий практически исключается, поэтому, покидая в этот раз Вену, госсекретарь США публично усомнился, что может вернуться сюда в ближайшее время для продолжения переговоров с иранским коллегой Джавадом Зарифом. Джон Керри сам не верит в то, что «американские эксперты заявят о надобности такого шага», и не скрывает: «Пока подобных планов у меня нет».

Совершенно очевидно, что Белый дом, несмотря на проведенные с ноября прошлого года шесть раундов переговоров, которые четко зафиксировали то, что иранцы в полном объеме выполняют те требования, которые к ним предъявлены «Шестеркой», Ирану доверять не желает. Вашингтон снова и снова продолжает настаивать на «необходимости удостовериться в том, что Иран не собирается создавать ядерное оружие». Позиция для глав внешнеполитического ведомства США совсем не новая. Хилари Клинтон также игнорировала реальность, постоянно пребывая в плену иранофобии. Она всегда считала, что «есть предпосылки для применения силы даже в случае, если разведка не доложит о решении Ирана создать ядерное оружие».

МАГАТЭ не имеет претензий к Тегерану

МАГАТЭ 21 июля опубликовало очередной отчет, касающийся переговоров с Ираном по ядерной проблеме, где претензий к Тегерану практически нет. В отчете МАГАТЭ говорится, среди прочего, что Иран выполняет свои обязательства, взятые в рамках временного соглашения с Большой шестеркой. В частности, Исламская Республика прекратила обогащать уран до 20%. В распоряжении Ирана было 210 кг урана, обогащенного до 20%, но Тегеран, как и обещал, начал обеднять этот материал, превращая его в оксид урана. Как отмечает МАГАТЭ, оксид урана не годится для производства ядерного оружия. Единственной претензией генерального директора МАГАТЭ Юкия Аmano остается то, что Иран не предоставляет экспертам организации доступа к военному объекту в Парчине, который к ядерной программе ИРИ никакого отношения не имеет. Здесь речь идет не о транспарентности в дальнейшем сотрудничестве с МАГАТЭ, а об использовании режима международного контроля в целях контроля над иранской военной промышленностью в целом. Спрашивается, с какой стати?

Министр иностранных дел Ирана Джавад Зариф прав, когда говорит о том, что американцы на площадке нынешних переговоров пытаются свалить в одну кучу все свои претензии к Ирану, накопившиеся за последние десятилетия. Янки настойчивы, дают и диктуют, стремясь в течение одного года решить все то, что накопилось в американо-иранской конфронтации за 35 лет. По сути, Вашингтон на последнем раунде переговоров заявил о своих намерениях узурпировать полномочия «Шестерки». По инициативе Джона Керри было проведено три продолжительные незапланированные встречи с Джавадом Зарифом. Интенсификация двусторонних контактов на высоком уровне между США и Ираном стала главной особенностью этого этапа. Правда, оценивая переговоры с иранским коллегой, госсекретарь США отметил, что «Джавад Зариф — сложный переговорщик».

Односторонние усилия Вашингтона не замечает союзная Европа, на этом не заостряет внимания теперь и Москва, не желающая давать лишний повод американцам для дальнейшей эскалации напряженности в двусторонних отношениях, но в Тегеране к этому относятся весьма настороженно. Секретарь Совета целесообразности принимаемых решений Ирана Мохсен Резаи возложил на Соединенные Штаты ответственность за то, что Ирану и «Шестерке» не удалось до сих пор выработать соглашение о всеобъемлющем решении иранской ядерной проблемы. «Этому помешали чрезмерные требования, выдвигаемые США», — сказал Резаи. По его словам, тот факт, что на последнем этапе недавних переговоров в Вене министры иностранных дел Ирана и США вели переговоры «с глазу на глаз», говорит о попытках американцев увести всю «Шестерку» в сторону от ядерной тематики. Действительно, за ширмой иранской ядерной проблемы видны американские претензии к Тегерану, которые не имели прямого отношения к предмету диалога в Вене. Администрация президента Барака Обамы решила использовать эту площадку для дальнейшего выкручивания рук Ирану, в Белом доме все никак не откажутся от своей заветной мечты о смене или хотя бы стратегической переориентации исламского режима. На фоне парализующих иранскую экономику санкций американская дипломатия спекулирует на любых трудностях иранского общества.

При Хасане Роухани произошли небывалые для Ирана изменения

В течение последнего года после избрания Хасана Роухани президентом произошли небывалые для Исламской Республики изменения. Вопреки распространенному мнению об ограниченных должностных возможностях президента Ирана в принятии стратегических решений внешнеполитического курса государства, верховный лидер Ирана аятолла Али Хаменеи передал Хасану Роухани полномочия для ведения прямых переговоров с США по ядерной проблеме. Ничего подобного у предшественников Роухани не было. Это было первый раз, когда глава ИРИ объявляет о полной самостоятельности президента в этом стратегически важном вопросе. Решение главы Исламской Республики указывает на несомненную серьезность иранских намерений добиться прорыва на переговорах по своему ядерному досье, а также на определенную последовательность иранской политики в этом вопросе.

Весь Иран в эти дни ожидал успешного завершения переговоров и решения об отмене санкций. Иранцам надоело постоянно рисуемые американцами для них «дедлайны». В 2009 году США угрожали войной из-за решения Тегерана прервать ядерные переговоры, в марте 2013 года таким же образом пытались сорвать президентские выборы в Иране. Тогда опять на иранском пороге стояла война, ибо, как считали США, «международное сообщество исчерпало другие средства воздействия на исламский режим». То, что тогда переговоры возобновились, Америку не останавливало, Обама возглашал: «К сожалению, ничто не свидетельствует, что Иран готов делать что-то конкретное, а не просто тянуть время». Сейчас же вполне конкретные и конструктивные шаги со стороны Тегерана опять американцев не устраивают.

В этой связи, наверное, уместно напомнить команде Барака Обамы о том, что никакой необратимости в иранских действиях нет, а одновременно сохранить санкции и демонтировать ядерную программу ИРИ не удастся. Глава Организации атомной энергетики, бывший министр иностранных дел Ирана Али Акбар Салехи сравнивает взятые Тегераном обязательства с выключателем света, «который мы сейчас поворачиваем на отключение, но если они не будут выполнять свои обязательства, то мы вновь повернем его на включение». Речь идет, в первую очередь, о решении остановить обогащение урана до 20%. Такой же позиции придерживается и министр иностранных дел Мохаммад Джавад Зариф, предупреждающий мир, что «в случае обструкции с противоположной стороны Исламская Республика Иран может в любой момент отказаться от реализации женевского ядерного соглашения». Иранский президент Хасан Роухани, сделав акцент на том, что Тегеран не собирается создавать ядерное оружие, уже успел поставить крест на всех необоснованных догадках и обвинениях в адрес ИРИ. В дальнейшем Иран намерен исходить из того, что временное соглашение, подписанное в Женеве, не нанесло ущерба ядерной программе ИРИ, обогащение урана до 5% не только не сократится, но, наоборот, вырастет.

Почему бы в Вашингтоне не прислушаться к Тегерану? Как представляется, позиция Обамы должна была измениться после того, как по ядерному вопросу высказался никто иной, как верховный лидер Ирана аятолла Али Хаменеи. По его словам, Ирану в ближайшие годы нужно увеличить объ-

емы обогащения в 19 раз по сравнению с нынешним уровнем. Верховный лидер Ирана прежде не говорил детально о ядерных делах. Возможно, он решил предостеречь команду своих переговорщиков, чтобы они не шли на чрезмерные уступки. Впрочем, иранские дипломаты всегда стремились найти такой компромисс, который сохранил бы большую часть ядерной программы и обеспечил снятие санкций. Заметим, речь идет о компромиссе, а не о капитуляции перед США.

Нельзя забывать о том, что в Иране сторонники жесткой линии противятся любым уступкам, которые мог бы сделать президент Хасан Роухани. Многие иранцы также недовольны тем, что вместо обещанного снятия санкций Иран пока довольствуется частичным и мало ощутимым для улучшения жизни разблокированием иранских активов за рубежом. В свою очередь, многие конгрессмены в США остаются враждебно настроенными к Ирану. Республиканцы и демократы грозят заблокировать любую возможную договоренность, которая позволила бы Ирану сохранить какое-то оборудование, позволяющее обогащать уран. Кроме того, за переговорами пристально следят оппоненты Ирана в регионе — Израиль и Саудовская Аравия. Они крайне скептически относятся к любой сделке, которая, с их точки зрения, позволит Исламской Республике избежать международного давления и приблизиться к вступлению в неофициальный «ядерный клуб». Иранские недруги хотели бы, чтобы соглашение с Ираном было похожим на соглашение с Сирией об уничтожении химического оружия и включало в себя демонтаж всех объектов, имеющих возможности по обогащению урана.

Новый «дедлайн» для Ирана 24 ноября 2014 г.

Сейчас самое время заглянуть в перспективу и задуматься о будущем переговоров за очередным для Ирана ядерным «дедлайном». Если выражаться полюбившимся дипломатам и журналистам штампом «между сторонами остаются существенные расхождения, но участники переговоров по-прежнему преисполнены решимости преодолеть их», то поводов для беспокойства, вроде бы, не должно быть. МАГАТЭ подтверждает, что Иран неукоснительно соблюдает условия промежуточного соглашения с шестеркой международных посредников, подписанное в Женеве в ноябре прошлого года. Настораживает нежелание Запада адекватно оценивать иранские усилия, однако главное, видимо, будет зависеть от быстро меняющейся в эти дни геополитической обстановки в мире.

В последнее время к гражданским войнам в Сирии и Афганистане добавились внутренние вооруженные конфликты на Украине, в Ираке, война Израиля с ХАМАС. На момент подписания Женевского соглашения ядерная проблема Ирана была одной из главных тем международной повестки, теперь на первое место выходит жесткая конфронтация Запада с Россией, по которой США решили ударить всей мощью испытанных на Иране санкций. Российско-американское противостояние вполне может стать на переговорах с Тегераном осложняющим фактором. Не случайно Россия и Китай не послали в Вену своих министров иностранных дел, подпевать солирующему Керри Москва и Пекин не станут.

Не пойдут на поводу у американцев и иранцы. Одной из целей приезда Джона Керри в Вену было проведение углубленных дискуссий с Джавадом

Зарифом, чтобы «оценить готовность Ирана принять те критически важные решения, которые он должен сделать». Напрасные надежды. Если двусторонние контакты между США и Ираном стали на данном этапе главным элементом переговоров, то их безрезультатное завершение — это очередная «заслуга» Белого дома, хозяин которого президент Обама так ревнует Иран к России.

США видят чуть ли не заговор в любых контактах Москвы и Тегерана, и сейчас в госдепе также отнеслись к недавнему телефонному разговору президентов Путина и Роухани. В разговоре обсуждались итоги переговоров по иранской ядерной программе в Вене, но не только они. Иран и Россия до конца нынешнего лета, похоже, подпишут новое соглашение о строительстве двух энергоблоков на площадке АЭС в Бушере. Более того, сейчас ведутся переговоры по возможному строительству дополнительно шести энергоблоков на территории Ирана, который стал при российском содействии первой и единственной страной на Ближнем Востоке, имеющей собственную атомную энергетику. Не случайно в позиции РФ и остальных членов «Шестерки» наметилась «разность подходов». Россия не хочет, чтобы в итоговом соглашении были прописаны требования, выходящие за рамки положений МАГАТЭ, которые могут стать помехой в сотрудничестве с Ираном в области развития мирного атома.

Исраэль Шамир

Небесная тысяча

Подождем, пока тысячу палестинцев убьют, а потом вмешаемся и прекратим огонь, — сказал «высокопоставленный американский госслужащий из администрации Барака Обамы», по словам израильского государственного Первого телеканала. Сказал ли это президент открытым текстом, или намекнул, но так и произошло. Когда количество убитых палестинцев — мужчин, женщин и детей в Газе стало четырехзначным, США начали говорить о прекращении огня.

Израильская армия не против прекращения боевых действий. Жертвы среди солдат и офицерского состава достаточно серьезные, да и большого смысла в продолжении бойни уже нет. Израильские военные всегда тщательно скрывают данные о своих реальных потерях, чтобы не терять так называемый ореол славной, героической армии. На самом деле израильская армия на сегодня потеряла более ста человек среди солдат, много офицеров и одного генерала, большое количество суперсовременной военной техники. В ходе боев тяжелое ранение в голову получил также командир бригады «Голани» полковник Расан Элиан. С другой стороны, за 20 дней противостояния погибли уже более тысячи палестинцев, большинство из которых составляют мирные жители, женщины и дети. Израиль уже проиграл эту войну, т.к. Хамасу удалось нанести сокрушительный удар по спокойствию и безмятежной жизни израильтян. Впервые в истории Израиля сотни выпущенных ракет со стороны Газы достигли Тель-Авива и других крупнейших городов страны. Что бы ни говорили израильские политики и генералы, очевидно одно: народ Израиля теперь не ощущает себя в безопасности, не верит и в систему «Железный купол», в которую были вложены сотни миллионов долларов. При этом Хамас, как утверждают источники, пока еще не использовал свои более мощные и современные ракеты. А их, надо полагать, более чем достаточно в арсенале Хамаса.

Тем не менее, правые политические активисты и беснующиеся толпы израильтян на улицах Иерусалима и в социальных сетях требуют еще крови, по-прежнему кричат о необходимости «стереть Газу с лица земли», перебить или депортировать ее непослушное население, но власти, и в первую очередь силовики, не верят в возможность «окончательного решения» (как называл это Адольф Гитлер) и считают, что их работа выполнена.

Цели войны

Бойни в Газе стали регулярным повторяющимся событием. Относительно большой была бойня в декабре 2009 — январе 2010, была и в 2012, и это не считая небольших вспышек — бомбежек и артобстрелов. Политику Израиля в секторе Газы можно сравнить с криптиями древних спартанцев — те время от времени устраивали облаву и резню илотов, тамошних палестинцев, чтобы те не подымали нос, слушались и радовались, что остались живы. Главная цель израильских криптий — физическое уничтожение активных лидеров Палестины, чтобы легче было властвовать над остальными. Нынешняя война нужна Тель-Авиву для того, чтобы сорвать примирение Фатха и Хамаса. Девять месяцев палестино-израильские переговоры, которыми дирижировал лично госсекретарь США Джон Керри, закончились ничем, Фатх и Хамас, взяв инициативу в свои руки, начали урегулирование спорных вопросов, и именно этот процесс необходимо было сорвать Израилю. Оставалось лишь найти повод.

На Западном Берегу пропали три молодых поселенца. Их исчезновение по сей день окутано тайной. Они сели в машину с израильскими номерами (у палестинцев номера другого цвета), к говорящему на иврите водителю. Через несколько минут один из молодых людей позвонил в полицию и сказал, что их похитили. Затем прозвучали выстрелы и inferнальный смех, радостные возгласы по-арабски. Это было записано полицейским записывающим устройством, но на протяжении нескольких часов полиция не приступала к поискам и вообще забыла про звонок. Это очень нетипично для израильской полиции. Она, как будто, давала шанс похитителям исчезнуть.

Гибель поселенцев при невыясненных обстоятельствах была использована по максимуму, по всем законам жанра с использованием современных технологий для создания волны всенародной истерии — массовые молебны, непрерывное телевизионное освещение, звонки на радио. В похищении был обвинен конечно же Хамас, хотя никаких подтверждений так и не было представлено. Израильская пехота была введена в палестинские города на Западном Берегу, сотни палестинцев схвачены и брошены в тюрьмы, в основном — активисты и парламентарии Хамаса. После двух недель раскручивания медиа-истерии, тела похищенных были «найжены». Нетаньяху провозгласил, что он отомстит Хамасу, и война разгорелась.

Нынешняя война нужна Тель-Авиву для того, чтобы сорвать примирение Фатха и Хамаса

Газа и малайзийский «Боинг»

Если первая часть израильской операции против палестинцев — удары с воздуха — была предсказуемой, то ввод наземных войск в Газу всегда воспринимался в Израиле как нежелательный и опасный, как из-за возможной гибели израильских солдат, так и из-за негативной реакции мировой общественности. На этот раз наземная операция началась через считанные минуты после катастрофы малайзийского «Боинга», когда стало понятно, что внимание всего мира и западной печати будет приковано к происходящему

Начавшаяся на Западе, и в первую очередь в Англии кампания по демонизации российского президента и вовсе отвлекла людей от происходящего в Газе.

в Донбассе. Начавшаяся на Западе, и в первую очередь в Англии кампания по демонизации российского президента и вовсе отвлекла людей от происходящего в Газе.

Израиль использовал крушение лайнера в своих целях, и некоторые обозреватели предполагают, что израильское руководство заранее знало о готовящемся преступлении, акцентируя внимание на деятельности крупного еврейского бизнесмена, теперь уже политического деятеля, губернатора Днепропетровска Игоря (Бени) Коломойского, активного члена самой реакционной еврейской религиозной организации «Хабад». Они отмеча-

ют, что «Боинг» вели диспетчеры Днепропетровска, они указали самолету необычный коридор, сместив его к северу, и потребовали от него снизиться на несколько тысяч футов. Впрочем, для агрессии против палестинцев была и другая причина...

Роковые ошибки Хамас

Еще несколько лет назад Иран и Сирия активно помогали этой организации, победившей на демократических всеобщих выборах в палестинской автономии в 2006 году и выражающей чаяния заметной части палестинского общества. Те же бойцы Хезбаллы потратили много усилий, чтобы повысить боевой уровень бойцов Хамаса. Но когда в Сирии разгорелся мятеж, руководство Хамас решило резко поменять ориентиры, приняв покровительство Катара и спонсируемых им братьев-мусульман, пришедших к власти в Египте. Итоги этих решений обернулись трагедией и для Хамас, и для всего палестинского народа. В критический момент вчерашние «новые друзья» от Хамас отвернулись. Катар заметно уменьшил свое участие в палестинской проблематике после недавнего смещения старого султана и восцарения его сына. Братья-мусульмане ограничились устными протестами, впрочем довольно двусмысленными. А представители «исламского халифата», радеющие на словах за «угнетаемых Израилем мусульман», ничего для Газы не сделали. «Они хотят убивать только мусульман», — говорят о них в Палестине. Горькое прозрение с тяжелыми последствиями, поскольку действительно последовательный противник Израиля Хезболла из-за ошибок руководства Хамаса не выступила против агрессора, хотя только лишь части ее военного потенциала было достаточно для провала наземной операции израильтян.

Иранский угол

Откровенно конъюнктурное политиканство руководства Хамас привело и к тому, что Иран, по сути, оказался исключенным из процесса палестино-израильского урегулирования. Как следствие — Тегеран был фактически лишен поля для маневра и в «преддверии» конфликта, и в его начальной стадии. «Хамас хотел бы вернуться к своим шиитским друзьям, но назад пути нет», — предрекали израильские аналитики, а военные рассчитывали,

что лишенный иранской поддержки Хамас станет легкой добычей. Просчитались, поскольку Иран оказался выше обид и мелочного сведения счетов. В минувшее воскресенье в Бейруте заместитель главы иранского МИДа Амир Абдоллахиян заявил, что Исламская республика использует все свои ресурсы, чтобы Израиль не победил Хамас. Поддержка палестинцев для Ирана — это не сиюминутная политическая тактика, а продуманная стратегия, которая стоит выше разногласий, вызванных поведением руководства Хамас. О Нетаньяху говорят, что война в Газе для него — утешительный приз за то, что ему не дали ударить по Ирану, на чем сам «неистовый Биби» продолжает настаивать. Подавление Газы может оказаться первой фазой нового наступления на Иран, если Израиль продолжит войной против Хезбаллы, а затем возьмет курс на активное вмешательство в сирийский конфликт.

Ряд обозревателей склоняются к мнению, что одной из причин того, что Вашингтон по сути поддержал израильскую операцию в Газе, является стремление втянуть Тегеран в этот конфликт, чтобы сорвать подписание мирного соглашения по иранской ядерной программе и снятия санкций с него. Это очевидно и для руководства Исламской республики, поэтому, оставаясь последовательным сторонником освобождения Палестины и убежденным противником сионизма, Тегеран не намерен делать за Хамас его работу, взваливая на себя бремя противостояния Израилю и стоящему за его спиной Вашингтону в одиночку.

Заявив о поддержке палестинцев, Амир Абдоллахиян вполне справедливо потребовал от Хамаса мобилизации, отметив, что его руководство не использовало даже и 3% своего потенциала. Палестинцы не смогут сами освободиться от еврейского господства, по крайней мере в ближайшем будущем. Израиль получает немеряные деньги от США, Германии, его военная промышленность считается передовой, его агрессия пользуется мощной медийной и дипломатической поддержкой своих единоверцев в США и Европе, но своим сопротивлением Хамас показывает всему миру, что Палестина жива, и за него никто другой этого не сделает.

Проблема двух фронтов для Москвы

Украинский кризис стал временем тяжелых испытаний и для России, и для российского Президента. Прозападная российская элита, стремящаяся сохранить свои вклады и интересы на Западе, похоже, вполне созрела до отстранения Путина от власти и «возвращения» России в объятия США. Кремлю откровенно сейчас не до палестино-израильского конфликта, не до Ближнего Востока. Кроме того, Израиль достаточно тонко повел себя в украинском конфликте, не только не поддержав волну антироссийских настроений на Западе, но в чем-то, например в осуждении неонацистских тенденций нового украинского правительства, солидаризовавшись с Москвой. И обострение отношений с Западом, и сдержанность Тель-Авива в украинском вопросе сейчас всю отрабатывается российскими «друзьями Израиля» для прикрытия агрессии против палестинцев и для блокирования действий Москвы по вмешательству в этот конфликт.

Черным пятном российской политики стала то, что пятая колонна в России «прикрывает» Израиль с не меньшим энтузиазмом, чем это делает Вашин-

гтон. Российские СМИ, в том числе и основные федеральные телеканалы, фактически подконтрольные пятой колонне и произраильскому лобби, организовали самую настоящую информационную блокаду массового убийства палестинцев в Газе. Информационная блокада — это часть их успешной «операции прикрытия» Тель-Авива, в которой задействованы, как ни парадоксально выглядит такой альянс, не только «демократы», но и «националисты». И те, и другие поддерживают Израиль и выступают против палестинцев, против Ирана, против Китая, и самое ужасное против России и ее интересов.

Война в Сирии подорвала и без того весьма условное «мусульманское единство». Победа исламистов в Центральном Ираке, курс Иракского Курдистана на независимость, произраильская ориентация Саудовской Аравии и других монархий Залива, Россия и Иран под санкциями — вот тот безрадостный фон, на котором происходит очередная война в Газе. Кровь более чем тысячи палестинцев, целого легиона, — это цена ошибок и политиканства палестинского руководства, израильской агрессии и ее покровительства мировым жандармом Вашингтоном, цена предательства монархий Залива и молчаливого поощрения устроенной израильянами бойни общественного мнения других стран. И цена эта с каждым днем продолжает возрастать.

Редакция приглашает к сотрудничеству политиков, экспертов и читателей, которые разделяют цели и задачи журнала и полагают, что их материалы могли бы внести вклад в формирование у российской и зарубежной аудитории объективного, реалистичного представления о современном Иране, его внутренней и внешней политике.

Более подробно об условиях сотрудничества смотрите на сайте журнала www.siran.ru. Ждем Ваших авторских статей по адресу info@siran.ru

Баболь, провинция Мазендеран

